

Библиотека Всемирной Литературы

Александр Пушкин

Евгений Онегин

Библиотека Всемирной Литературы

Александр Пушкин

Евгений Онегин

«ЭКСМО»

1833

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос-Рус)1-5

Пушкин А. С.

Евгений Онегин / А. С. Пушкин — «Эксмо»,
1833 — (Библиотека Всемирной Литературы)

ISBN 978-5-699-92452-3

Роман «Евгений Онегин» – «энциклопедия русской жизни» и вечная история любви, одно из самых значительных произведений русской словесности, герои которого уже третий век любимы читателями. Книга проиллюстрирована рисунками А.С. Пушкина, сделанными поэтом на рукописных страницах романа. Издание включает новые современные комментарии В.Л. Коровина.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос-Рус)1-5

ISBN 978-5-699-92452-3

© Пушкин А. С., 1833
© Эксмо, 1833

Содержание

«Евгений Онегин» в жизни Пушкина и жизнь Пушкина в «Евгении Онегине»	6
Автор в своем романе:	8
«Там колыбель моего Онегина...»:	12
Пушкин на юге:	15
Пушкин в Михайловском:	18
Пушкин и Ленский:	22
Пушкин и Татьяна в Москве:	26
Пушкин и Татьяна в большом свете:	30
Пушкин и Онегин:	33
Открытый финал:	40
Евгений Онегин	45
Глава первая	46
Глава вторая	69
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Александр Пушкин

Евгений Онегин

© Коровин В.Л., предисловие, комментарии, аннотированный указатель,
словарь, 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э»

«Евгений Онегин» в жизни Пушкина и жизнь Пушкина в «Евгении Онегине»

Автор в своем романе: (О некоторых общих особенностях романа «Евгений Онегин»). – «Там колыбель моего Онегина...»: (Крым в романе Пушкина). – Пушкин на юге: (главы первая, вторая и третья). – Пушкин в Михайловском: (главы четвертая, пятая и шестая). – Пушкин и Ленский: (дуэль и смерть поэта в шестой главе). – Пушкин и Татьяна в Москве: (глава седьмая). – Пушкин и Татьяна в большом свете: (глава восьмая). – Пушкин и Онегин: «Мой спутник странный... – Открытый финал: (Болдинская осень 1830 г.).

Читатели романов редко задаются вопросом о времени, затраченном на их создание. Как правило, романисты и не дают для этого повода. Иное дело «Евгений Онегин», где автор постоянно напоминает нам о себе, а под конец и о части своей жизни, прошедшей на самом деле, пока он вершил судьбы вымышленных им героев:

Промчалось много, много дней
С тех пор, как юная Татьяна
И с ней Онегин в смутном сне
Явились впервые мне...
<...>
О много, много рок отъял!..

(8, L, LI)¹

Пушкин любил точные даты. Написав последние строфы, он отметил начало и конец работы над романом и подсчитал, сколько «промчалось дней»:

1823 год, 9 мая. Кишинев.

1830 год, 25 сентября. Болдино.

7 лет, 4 месяца, 17 дней.

Этот подсчет он сделал в Болдино 26 сентября 1830 г.² По записанному тогда же плану, роман должен был состоять из девяти глав³. Восьмой было «Странствие», то есть путешествие Онегина. Через год, передумав давать его полностью, Пушкин последнюю главу (первоначально девятую) переименовал в восьмую и написал письмо Онегина к Татьяне. Под ним он поставил дату:

5 октября 1831 года. Царское Село.

Это последняя дата, отмеченная самим Пушкиным в работе над *ЕО*. Получается, он писал его даже не семь, а почти восемь с половиной лет – гораздо дольше, чем любое другое из своих сочинений, да и потом, готовя роман к печати, еще делал некоторые поправки.

¹ Роман «Евгений Онегин» (далее – *ЕО*) цитируется с указанием номера главы (арабская цифра) и строфы (римская). Все цитаты из романа и других текстов Пушкина даются без постраничных ссылок по изд.: Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1937–1949 (Т. 17:.) Справочный том. 1959).

² Здесь и далее все точные даты являются датами по старому стилю, т. е. по юлианскому календарю, принятому в России до 1917 г.

³ По этому плану роман делился на три части (по три главы в каждой), а главы имели названия: 1. Хандра; 2. Поэт; 3. Барышня; 4. Деревня; 5. Имянины; 6. Поединок; 7. Москва; 8. Странствие; 9. Большой свет.

Публиковался *ЕО* по главам, отдельными книжками. Первая глава вышла в феврале 1825 г., вторая – в октябре 1826 г., третья – в октябре 1827 г., четвертая и пятая (в одной книжке) – в феврале 1828 г., шестая – в марте того же 1828 г., седьмая – в марте 1830 г., восьмая – в январе 1832 г. На обложке издания восьмой главы было напечатано: «Последняя глава Евгения Онегина».

Первое полное издание *ЕО* появилось в марте 1833 г. Кроме восьми глав в нем были примечания автора и «Отрывки из путешествия Онегина», но посвящение («Не мысля гордый свет забавить...») находилось еще не в начале романа, а среди примечаний. В начало оно было перенесено во втором полном издании *ЕО*, вышедшем под новый 1837 год (на титуле значилось, что это «издание третье», поскольку первым считался комплект из отдельно опубликованных глав). Это был маленький томик карманного формата, изящная подарочная книжка. Она оказалась последней книгой Пушкина, вышедшей при его жизни. Он еще успел подержать ее в руках и подарить некоторым знакомым. Вечером 27 января 1837 г. поэт получил смертельное ранение на дуэли с Дантесом, а 29 января, в 2 часа 45 минут после полуночи, скончался.

Автор в своем романе: (о некоторых общих особенностях романа «Евгений Онегин»)

ЕО – роман в стихах, уже поэтому он читается иначе, чем другие романы. Иначе он и сочинялся. П.А. Вяземский, которому Пушкин первому сообщил, что пишет «не роман, а роман в стихах»⁴, позднее свидетельствовал: «...эт не имел первоначально преднамеренного плана. Он писал «Онегина» под вдохновениями минуты и под наитием впечатлений, следовавших одно за другим»⁵.

П.В. Анненков, автор первой научной биографии Пушкина (1855), заметил, что строфы *ЕО* порой сочинялись вразбивку и не в той последовательности, в какой они потом разместились в романе, и сделал вывод: «Поэт <...> предоставил совершенную свободу вдохновению своему и заключал его в определенную раму уже по соображениям, являвшимся затем. <...> Кроме всех других качеств, «Евгений Онегин» есть еще поистине изумительный пример способа создания, противоречащего начальным правилам всякого сочинения. Только необычайная верность взгляда и особенная твердость руки могли при этих условиях довершить первоначальную мысль в таком единстве, в такой полноте и художественной соразмерности. Несмотря на известный перерыв (выпущенную главу) нет признаков насильственного сцепления рассказа в романе, нет места, включенного для механической связи частей его»⁶.

ЕО складывался, как мозаика: из стрóf слагались главы, из глав – сам роман в его окончательном виде. Пушкин изобрел для него специальную «онегинскую строфу»⁷ и написал такими строфами практически весь роман, отступив от этого правила только в трех случаях (письмо Татьяны и песня девушек в третьей главе и письмо Онегина – в восьмой). В результате каждая строфа звучит как законченное стихотворение (поэтому редкие «переносы» из одной строфы в другую производят особый художественный эффект; см., например: 3, XXXVIII–XXXIX). Но и составленные из этих стрóf главы достаточно самостоятельны и могут читаться как отдельные произведения (первые читатели *ЕО* так и делали: у них, собственно, и не было другого варианта). И это обусловлено уже не только тем, что роман написан в стихах.

ЕО – искусно выстроенный роман (вопреки «способу создания», почему Анненков и выразился, что это «изумительный пример»). Один из использованных в нем композиционных приемов, называемый принципом зеркальной симметрии, просто бросается в глаза. Например, Татьяна пишет любовное письмо и молча выслушивает нотацию Онегина, а потом они меняются ролями; в первой главе Онегин уезжает из Петербурга, а в последней «как дитя» влюбляется в Татьяну, ставшую одной из них... в первой он оставляет любовные похождения и «всех прежде» – «причудниц большого света» (1, XLII), а в последней, «как дитя», влюбляется в Татьяну, ставшую одной из них, и настойчиво ее преследует. И это только самые наглядные примеры исключительной стройности романа и взаимосвязанности всех его элементов (глав, стрóf, образов и т. д.).

Вместе с тем сам Пушкин в посвящении назвал *ЕО* «собранием пестрых глав», то есть внешне бессвязных поэтических высказываний на разные темы, сделанных под влиянием раз-

⁴ В письме от 4 ноября 1823 г.: «Что касается до моих занятий, я теперь пишу не роман, а роман в стихах – дьявольская разница. В роде Дон-Жуана – о печати и думать нечего; пишу спустя рукава» («Дон Жуан» – сатирическая поэма Байрона; см. комментарий в наст. изд.).

⁵ Вяземский П.А. Мицкевич о Пушкине <1873> // Вяземский П.А. Полн. собр. соч.: [В 12 т.]. Т.7. СПб., 1882. С. 319.

⁶ Анненков П.В. Материалы для биографии А.С. Пушкина. СПб., 1855. С. 228–230 (Сочинения Пушкина / Издание П.В. Анненкова. Т.1).

⁷ В «онегинской строфе» 14 стихов (как в сонете), схема рифмовки AbAbCCddEffEgg.

ных обстоятельств и настроений. Конечно, это часть обычной в посвящениях формулы скромности (автор хотел бы представить другу что-нибудь более достойное его «души прекрасной», а пока рассчитывает на его дружеское пристрастие), но не без причин так оценивали роман и читатели, причем из числа самых умных и проницательных. Н.В. Гоголь писал, что Пушкину «хотелось откликнуться на все, что ни есть в мире», что «всякий предмет равно звал его», и потому вопреки первоначальному намерению роман у него получился именно таким: «Он хотел было изобразить в “Онегине” современного человека и разрешить какую-то современную задачу – и не мог. Столкнувшись с места своих героев, сам стал на их место и, в лице их, поразился тем, чем поражается поэт. Поэма вышла собрание разрозненных ощущений, нежных элегий, колких эпиграмм, картинных идиллий, и, по прочтении ее, наместо всего выступает тот же чудный образ на все откликнувшегося поэта»⁸.

Гоголь, как всегда, был прав. Он точно указал на главную фигуру в *ЕО* – на его автора. Это центральный и самый сложный образ в романе, который его читатели никогда не теряют из вида. Прежде всего это определенное историческое лицо, конкретный человек, о жизни и взглядах которого читатели *ЕО* многое узнают, попросту – Пушкин, рассказывающий о себе. Пушкин, каким он захотел предстать перед читателями романа, по которому они могут (и вправе) судить о нем как о личности⁹. Но в то же время это один из образов романа, вне его не существующий: создатель и вершитель судеб своих героев, поставленный в определенные отношения к ним.

Роман написан так, как будто создается на глазах читателей в живом присутствии автора, который не просто повествует о чем-то ему уже известном, а как будто наблюдает за своими героями, не зная, чего ждать от них дальше, и даже немного участвует в их жизни, сам становится героем своего романа. Он придумал Онегина и распоряжается его судьбой, и он же его приятель и собеседник в годы своей юности в Петербурге. Автор хранит у себя французский оригинал письма Татьяны (мы ведь как будто читаем только сделанное им стихотворное переложение) и предсмертную элегию Ленского. И то и другое он мог получить от Онегина (хотя и ничего не сообщил нам об этом). Автор немного обгоняет своих героев во времени (как правило, рассказ ведется о событиях четырех- и пятилетней давности)¹⁰,

но живет (или жил) где-то рядом с ними. У автора с героями есть общие знакомые: с Онегиным – Каверин, с Татьяной – князь Вяземский. Это не говоря о литературных героях вроде Буянова, задорного гостя на именинах Татьяны, который позднее пытался к ней свататься¹¹. Он Пушкину и вовсе родня, двоюродный брат, поскольку придумал его родной дядя поэта В.Л. Пушкин. Вымысел в романе переплетен с реальностью, и там, где они соприкасаются, всегда видна рука автора, который свободно пользуется плодами собственного и чужого воображения, как и личными воспоминаниями, наблюдениями и сиюминутными впечатлениями.

В мир этого «свободного романа» (8, *L*) оказываются вовлечены и читатели. Автор делится с ними своими замыслами, сомнениями и предположениями, причем не дает удовлетвориться прочитанным и просто с ним согласиться, а постоянно будит и волнует воображение.

⁸ Н.В. Гоголь, «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» (статья XXXI из его последней книги «Выбранные места из переписки с друзьями», 1847).

⁹ На этот счет есть ставшее классическим высказывание В.Г. Белинского: «“Онегин” – есть самое душевное произведение Пушкина, самое любимое дитя его фантазии, и можно указать слишком на немногие творения, в которых личность поэта отразилась бы с такой полнотой, светло и ясно, как отразилась в “Онегине” личность Пушкина. Здесь вся жизнь, вся душа, вся любовь его; здесь его чувства, понятия, идеалы. Оценить такое произведение значит – оценить самого поэта во всем объеме его творческой деятельности». («Сочинения Александра Пушкина. Статья восьмая», 1844.)

¹⁰ Время действия первой главы – 1819 г. Пушкин пишет ее в 1823 г., когда ему исполнилось 24 года. Столько же лет Онегину в первой главе (род. в 1795). В последней (восьмой), написанной в 1830 г., Онегину почти 30 лет (действие заканчивается в 1825 г.). Пушкину в 1830-м уже 31 год. Он пишет о человеке старше себя, но принимается за это, сравнившись с ним в возрасте. О внутренней хронологии романа см. ниже и в комментариях в наст. изд.

¹¹ Об этих и других упоминаемых в *ЕО* вымышленных и реальных людях см. в наст. изд. указатель «Литературные герои, писатели и исторические лица в романе “Евгений Онегин”».

Читателям приходится самостоятельно выбирать между вариантами несостоявшейся жизни Ленского, домысливать подробности семейной и светской жизни Татьяны в Петербурге или полный маршрут путешествия Онегина, гадать о содержании пропущенных строф¹² и т. п. Под конец же автор и вовсе бросает своих героев в самый интересный и критический в их жизни момент, предоставляя читателям теряться в догадках об их будущем. П.А. Плетнев (тот обладатель «души прекрасной», которому адресовано посвящение романа) в рецензии на седьмую главу (1830) написал об этом умении автора *ЕО* привлекать читателей к соучастию в происходящем: «Власть его над нами столь сильна, что он не только вводит нас в круг изображаемых им предметов, но изгоняет из души нашей холодное любопытство, с которым являемся мы на зрелища посторонние, и велит участвовать в действии самом, как будто бы оно касалось до нас собственно»¹³.

В январе 1830 г., когда работа над *ЕО* близилась к завершению, Пушкин сформулировал актуальное для него понимание жанра романа: «В наше время под словом *роман* разумею историческую эпоху, развитую на вымышленном повествовании»¹⁴. В *ЕО* он постоянно сталкивается действительность со своими и чужими вымыслами, но это не игра с реальностью ради бегства от нее, не демонстрация своей изобретательности и умения озадачивать простодушных и развлекать искушенных читателей, а способ осмысленно и правдиво изобразить свою эпоху, свое окружение и свою жизнь. Чужие литературные вымыслы для автора *ЕО* не предмет для чистой литературной игры, а явления духовной и интеллектуальной жизни своего времени, не менее реальной, чем бытовая ее сторона. Ведь герои романа – Онегин, Татьяна, Ленский – молодые люди, наделенные умом и воображением, образованные и читающие (хоть в разной степени и по-разному), и впечатления от прочитанных книг влияют на их мысли, чувства, поведение и отношения с окружающими не меньше (а порою сильнее), чем их повседневный быт и общественные порядки. Законы, традиции, обычаи, моды и предрассудки, быт и культура петербургского, московского и провинциального дворянства в *ЕО* постоянно находятся в поле зрения автора, который изображает конкретную «историческую эпоху» – свое время. Герои романа вымышлены, но обитают они не в каком-то воображаемом мире, а в том самом, в котором живет и мыслит автор – в пушкинской России, в царской, дворянской и крестьянской России 1820-х гг., со множеством деталей и в меняющемся эмоциональном освещении описанной (и увековеченной) в романе Пушкина.

ЕО не напрасно был назван «энциклопедией русской жизни»¹⁵, но все-таки не стоит понимать это буквально. В романе нет исчерпывающего обозрения жизни Российской империи и русского народа того времени (любой знакомый с предметом читатель без труда укажет на зияющие лакуны). Нет заявлений о намерении явить в своем произведении «всю Русь» или обобщающего образа России, увиденной «из прекрасного далёка» (что есть у Гоголя в «Мертвых душах»). В романе Пушкина представлены исключительно те стороны русской жизни, которых так или иначе коснулся его жизненный путь. Об этом можно судить уже по географии романа: Петербург, юг России, среднерусская деревня с дворянской усадьбой (вроде пушкинского Михайловского), Москва и места, увиденные Онегиным в путешествии (только те, где побывал Пушкин). Список можно значительно расширить за счет литературно окрашенных

¹² Некоторые из пропущенных строф, скорее всего, никогда не были написаны. Те, что сохранились, приводятся в комментарии в наст. изд.

¹³ Плетнев П.А. «Евгений Онегин», роман в стихах, сочинение Александра Пушкина. Глава седьмая // Пушкин в прижизненной критике: [В 4 т.]. [Т.2:] 1828–1830. СПб., 2001. С.231.

¹⁴ Начало рецензии Пушкина на роман М.Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году», опубликованный в 1829 г. Это был первый русский исторический роман в роде тех, что писал Вальтер Скотт, необычайно тогда популярный. К романам этого же типа относится позднее написанная «Капитанская дочка» Пушкина (опубликована в 1836 г.).

¹⁵ «В своей поэме он умел коснуться так многого, намекнуть о столь многом, что принадлежит исключительно к миру русской природы, к миру русского общества! “Онегина” можно назвать энциклопедией русской жизни и в высшей степени народным произведением» (В.Г. Белинский, «Сочинения Александра Пушкина. Статья девятая», 1845).

упоминаний чужих земель (где Пушкин не был, но куда иногда стремился), и среди них не случайно мелькнет... Африка (*I, L*) (конечно, ради автобиографического мотива, в память об одном из предков поэта). Не случайно, конечно, и главные герои романа – молодые люди из дворянского сословия, владельцы небогатых поместий, то есть социально равные Пушкину. Все это вполне естественно, поскольку от начала до конца центральным образом романа остается автор, который рассказывает в основном о том, что хорошо знает, с чем имел случай лично соприкоснуться.

Автор в *ЕО* не только повествует, комментирует и дает оценки, не только «забалтывается»¹⁶, высказываясь на самые разные занимающие его темы, но и сообщает или намекает, где и почему сейчас находится (в первый раз – в первой же строфе от своего лица: *I, II*), пишет о своих перемещениях, меняющихся обстоятельствах, занятиях, планах, опасениях, надеждах и т. д. Следуя за строфами романа, читатели время от времени получают напоминания, где и когда они сочиняются, и как будто сами переносятся в соответствующее место и время. Так и создается иллюзия живого авторского присутствия.

Параллельно с рассказом о жизни Онегина, Ленского и Татьяны¹⁷ Пушкин ведет рассказ о себе, почти что пишет поэтическую автобиографию. Главы романа, с одной стороны, являются звеньями в общей его цепи, а с другой – выступают как самодовлеющие свидетельства о хронологически определенных отрезках жизни и творчества Пушкина, и прежде всего поэтому могут читаться как в некотором смысле самостоятельные произведения.

¹⁶ Слово из письма Пушкина к А.А. Дельвигу от 16 ноября 1823: «Пишу теперь новую поэму, в которой забалтываюсь до-нельзя» (подразумевается *ЕО*).

¹⁷ Каждому из трех главных героев романа Пушкин дал что-то от самого себя, в том числе Татьяне (об этом см. ниже).

«Там колыбель моего Онегина...: (Крым в романе Пушкина)»

Первые строфы *ЕО* Пушкин написал в Кишиневе в мае 1823 г., но «смутный сон», о котором говорится в последних строфах, привиделся ему раньше. На этот счет он оставил свидетельство, оказавшееся его последним высказыванием о *ЕО*. 10 ноября 1836 г., отвечая на письмо князя Н.Б. Голицына, проживавшего тогда в Крыму, Пушкин написал: «Как я завидую вашему прекрасному крымскому климату: письмо ваше разбудило во мне множество воспоминаний всякого рода. Там колыбель моего “Онегина”, и вы, конечно, узнали некоторых лиц»¹⁸.

В Крыму Пушкин был только один раз и провел около месяца – с середины августа до середины сентября 1820 г. Он прибыл сюда с Кавказа, путешествуя вместе с семейством генерала Н.Н. Раевского, героя Отечественной войны 1812 г. Среди членов его семьи и находятся упомянутые в письме «некоторые лица». Его старший сын Александр Николаевич Раевский (1795–1868), представлявший холодным циником, удивлял окружающих своими сарказмами. Его портрет современники увидели в пушкинском «Демоне» (1823) (сам поэт против этого возражал). В романе чертами молодого Раевского (впрочем, отнюдь не уникальными среди молодежи его круга) наделен Онегин, его сверстник, которого Пушкин сделал старше поэта Ленского и самого себя. В роли отдаленных прообразов Ольги и Татьяны Лариных иногда представляют дочерей генерала (их было четыре – Екатерина, Елена, Мария и Софья). Третья из них, позднее получившая известность как жена декабриста Мария Николаевна Волконская (1806–1863), была убеждена, что в строфе XXXIII первой главы романа Пушкин вспоминает об одном эпизоде их путешествия (в Таганроге она бегала по морскому берегу за волнами). Каким был возникший в Крыму первоначальный замысел, в точности не известно, но, не считая черновых набросков, крымские впечатления дважды напрямую отразились в окончательном тексте романа: в «Отрывках из путешествия Онегина» (со слов «Воображенью край священный...», три неполных строфы) и в начале восьмой главы, в рассказе о превращениях сопровождавшей поэту Музы (строфа IV):

...ак часто по брегам Тавриды
Она меня во мгле ночной
Водила слушать шум морской,
Немолчный шепот Нереиды,
Глубокий, вечный хор валов,
Хвалебный гимн Отцу миров.

В начале августа 1820 г. в Петербурге отдельным изданием вышла первая поэма Пушкина «Руслан и Людмила». Это была его *первая книга*. Если замысел будущего романа возник в Крыму, сразу после ее появления, тот факт, что второе полное издание *ЕО* оказалось *последней книгой* в его жизни, выглядит вдвойне символично.

В Крыму, в Гурзуфе, он начал вторую свою поэму – «Кавказский пленник» (1820–1821, издана в 1822). Это романтическая поэма, в которой отразилось начавшееся тогда увлечение Пушкина поэзией Байрона (ради него наш поэт вместе с сестрами Раевскими даже занялся английским языком). Главный герой этой поэмы – свободолюбивый, но унылый индивидуалист, разочаровавшийся в цивилизованном обществе и истребивший в себе «страстями чув-

¹⁸ Подлинник письма на французском языке.

ство», – прямой предшественник Онегина, на что указал сам Пушкин в предисловии к отдельному изданию первой главы романа¹⁹.

В Крыму происходит действие поэмы «Бахчисарайский фонтан» (1821–1823), которую Пушкин дописывал, уже приступив к *ЕО*. Поэма была издана в марте 1824 г. с эпиграфом из Саади: «*Многие, так же как и я, посещали сей фонтан; но иных уже нет, другие странствуют далече*». Вторая половина этого эпиграфа (на самом деле присочиненная Пушкиным к стиху персидского поэта) вскоре стала крылатым выражением: его цитировали Баратынский, Вяземский и др. Пушкин повторил его в заключительной строфе последней главы своего романа:

Но те, которым в дружной встрече
Я строфы первые читал...
Иных уж нет, а те далече,
Как Сади некогда сказал.

Для автора и читателей *ЕО* эти слова звучали иначе, чем для читателей «Бахчисарайского фонтана». В 1830-е гг. в словах «иных уж нет, а те далече» слышался вздох сожаления о прошедшей молодости, о настоящих утратах, а кем-то прочитывался и небезопасный намек на судьбы декабристов, среди которых были хорошие знакомые поэта и его лицейские друзья (Кюхельбекер, Пущин). Читателям последней главы романа было ясно, что изменилось не только окружение автора, но и сам он, что вообще настала другая эпоха. В «Отрывках из путешествия Онегина» Пушкин полушутя, но настойчиво подчеркнул дистанцию, отделяющую его теперь от времени сочинения романтических «южных» поэм:

Иные нужны мне картины...
<...
Порой дождливою намедни
Я, завернув на скотный двор...
ТЬфу! прозаические бредни,
Фламандской школы пестрый сор!
Таков ли был я, расцветая?
Скажи, фонтан Бахчисарая!
Такие ль мысли мне на ум
Навел твой бесконечный шум,
Когда безмолвно пред тобою
Зарему я воображал...

Здесь как будто идет речь о годах работы над «Бахчисарайским фонтаном» (1821–1823, Кишинев и Одесса), но следующие сразу вслед за этим строки убеждают в другом: автор вновь вспоминает о своем крымском путешествии 1820 г., когда действительно *видел* «фонтан Бахчисарая» и *слышал* его шум. Вот эти строки:

Средь пышных, опустелых зал,
Спустя три года, вслед за мною,
Скитаясь в той же стороне,

¹⁹ Это предисловие см. в комментарии к наст. изд. Еще за полгода до начала работы над *ЕО* Пушкин написал о своем Пленнике то, что вполне подошло бы к Онегину: «Характер Пленника неудачен; доказывает это, что я не гожусь в герои романтического стихотворения. Я в нем хотел изобразить это равнодушие к жизни и к ее наслаждениям, эту преждевременную старость души, которые сделались отличительными чертами молодежи 19-го века» (письмо к В.П. Горчакову, октябрь–ноябрь 1822).

Онегин вспомнил обо мне.

* * *

Я жил тогда в Одессе пыльной...

«Средь пышных, опустелых зал» – это, конечно, в Бахчисарайском дворце, то есть Онегин вспомнил об авторе романа в Крыму. Но что значит «спустя три года» и «в той же стороне»? Нет причин понимать эти указания как приблизительные (где-то в Причерноморье), а вот если принять их за точные (скитаясь в Крыму, через три года после меня), получается интересно: Онегин вспоминает об авторе *там, где* Пушкин задумал роман о нем (Крым, 1820 г.), и *тогда, когда* он начал его писать (в 1823 г.). Это тонкий и отчасти юмористический способ ввести в роман сведения о том, когда и где он был задуман и когда начат.

Далее, до самого конца «Отрывков из путешествия Онегина», автор вспоминает свою беззаботную жизнь в Одессе, подобную описанной в первой главе жизни его героя в Петербурге. Поскольку путешествие Пушкин поместил после последней (восьмой) главы и даже после своих примечаний (как приложение, в конце книги), читатели вправе считать концом романа не восьмую главу с ее открытым, но печальным финалом, а рассказ о жизни автора в Одессе. В последних стихах этого рассказа, на последней странице романа, нарисована умиротворяющая картина, которая как бы возвращает нас вместе с автором в то время, когда он был еще молод и только начинал сочинять *ЕО*:

Но поздно. Тихо спит Одесса;
И бездыханна и тепла
Немая ночь. Луна взошла,
Прозрачно-легкая завеса
Объемлет небо. Всё молчит;
Лишь море Черное шумит...

* * *

Итак, я жил тогда в Одессе...

Пушкин на юге: (главы первая, вторая и третья)

Первую, вторую и почти всю третью главу *ЕО* Пушкин написал в 1823–1824 г. – в период своей южной ссылки, начавшейся в 1820 г.

Первая глава, начатая в Кишиневе и законченная в Одессе (в октябре 1823 г.), пестрит напоминаниями о том, что автор находится вдали от Петербурга, где так роскошно проводил время Онегин – «среди блистательных побед, среди всedневных наслаждений» (*I, XXXVI*) – и где автор имел случай с ним подружиться, когда «злоба слепой Фортуны и людей» их еще только «ожидала» (*I, XLV*). Об этом сообщается в самом начале, во II строфе:

Там некогда гулял и я,
Но вреден север для меня.

Сюда относится первое авторское примечание: «*Писано в Бессарабии*». Пушкину было важно, чтоб от читателей не ускользнуло это обстоятельство, потому что дальше говорится о римском поэте и изгнаннике Овидии, место ссылки которого и печальную участь он сближал с собственными:

...традальцем кончил он
Свой век блестящий и мятежный
В Молдавии, в глуши степей,
Вдали Италии своей.

(*I, VIII*)²⁰

Так начинается проходящая через весь роман череда автобиографических намеков и признаний. Далее, прочитав описание одного типичного петербургского дня Онегина, мы вдруг узнаем, что жизнь автора отчасти переменилась, что он уже не в тех местах, где «...ще донныне тень Назона / Дунайских ищет берегов» («Баратынскому. Из Бессарабии», 1822), а на берегу моря и питает дерзкие замыслы:

Придет ли час моей свободы?
Пора, пора! – взываю к ней;
Брожу над морем, жду погоды,
Маню ветрила кораблей.
Под ризой бурь, с волнами споря,
По вольному распутью моря
Когда ж начну я вольный бег?

(*I, L*)

Здесь Пушкин тоже дал примечание (10-е): «*Писано в Одессе*». Сюда он прибыл летом 1823 г. (и действительно мечтал о побеге морем за границу). Отсюда он и отправил первую законченную главу на суд «вредного» для него севера, иными словами – в Петербург для публикации:

²⁰ Пушкин знал, что на самом деле место ссылки Овидия находилось далеко от Кишинева (см. комментарий).

...ди же к невским берегам,
Новорожденное творенье,
И заслужи мне славы дань:
Кривые толки, шум и брань!

(1, LX)

Место «новорожденного творенья» в ряду других произведений поэта в первой главе четко обозначено. В начале названы Руслан и Людмила, герои его первой поэмы (1, II), в конце – главные женские образы «Кавказского пленника» (черкешенка) и «Бахчисарайского фонтана» (Мария и Зарема).

...ак я, беспечен, воспевал
И деву гор, мой идеал,
И пленниц берегов Салгира...

(1, LVII)

Таким образом, упомянуты все три книги Пушкина, которые к тому времени вышли из печати и должны были быть известны читателям первой главы *ЕО* – новой, четвертой по счету, его книжки. И автор сразу дал понять читателям, что к его новому произведению нельзя прилагать мерки романтических поэм.

Если в герое «Кавказского пленника» было допустимо и даже желательно узнавать самого поэта, то такие мысли насчет Онегина автор сразу пресекает:

...сегда я рад заметить разность
Между Онегиным и мной,
Чтобы насмешливый читатель
Или какой-нибудь издатель
Замысловатой клеветы,
Сличая здесь мои черты,
Не повторял потом безбожно,
Что намарал я свой портрет,
Как Байрон, гордости поэт,
Как будто нам уж невозможно
Писать поэмы о другом,
Как только о себе самом.

(1, LVI)

Если в героинях «Бахчисарайского фонтана», Марии и Зареме, можно было видеть преобразенные фантазией поэта предметы его настоящих любовных чувств, утаенных от света, то читателям *ЕО* автор ничего такого не обещает и даже спешит их разочаровать:

Вопрос нередко слышу я:
«О ком твоя вздыхает лира?
<...
Кого твой стих боготворил?»
И, други, никого, ей-богу!..

(1, LVII, LVIII)

Так Пушкин заявляет о намерении создать нечто принципиально новое, нечто такое, что читателям непривычно и вряд ли им сразу понравится. Потому он и предвидит «кривые толки, шум и брань».

Вторую главу романа Пушкин завершил тоже в Одессе в декабре 1823 г. Там же была написана и большая часть третьей. Внешне в его жизни за время работы над ними ничего не изменилось, потому в этих главах почти нет собственно автобиографических отступлений. Рассказ о деревенской жизни Онегина и его дружбе с Ленским, о Татьяне, Ольге и их родителях перемежается с отступлениями другого рода. Но зафиксировать время, когда ведется рассказ, Пушкин и здесь не забывает. Так, раздумывая, что делать с письмом Татьяны, написанным по-французски, он вспоминает Баратынского, которому хотел бы доверить переложение «иноплеменных слов» «страстной девы» на «волшебные напевы» русских стихов:

...де ты? приди: свои права
Передаю тебе с поклоном...
Но посреди печальных скал,
Отвыкнув сердцем от похвал,
Один, под финским небосклоном,
Он бродит, и душа его
Не слышит горя моего.

(3, XXX)

Баратынский тогда проходил солдатскую службу в Финляндии, чтоб заслужить прощение юношеского проступка. Друзья его и он сам расценивали это как ссылку. То, что он бродит один «под финским небосклоном», на берегах Балтийского моря, должно было напомнить читателю, что автор *ЕО* тоже одинок и несвободен и тоже бродит «над морем» – над морем Черным. Таким образом из своей южной ссылки он окликает товарища по несчастью на севере.

В июле 1824 г. южная ссылка Пушкина закончилась, но совсем не так, как он надеялся. Он получил отставку (формально до тех пор он был на службе), но не свободу. Из Одессы его выслали в Михайловское, родительское имение в Псковской губернии.

Пушкин в Михайловском: (главы четвертая, пятая и шестая)

*Приют свободного поэта,
Не побежденного судьбой!..*

(Н.М. Языков, «Тригорское», 1826)

*...ростите ж, сени,
Где дни мои текли в глуши...*

(ЕО, 6, XLVI)

В ссылке в Михайловском Пушкин находился с августа 1824 г. до сентября 1826 г. В октябре 1824 г. он закончил начатую на юге третью главу *ЕО*, а к концу года – свою последнюю «южную» поэму «Цыганы» (издана в 1827 г.). В ее главном герое – свободолюбивом ревнивце и убийце Алеко – Ф.М. Достоевский позднее опознал «тип Онегина», изображенный «в фантастическом свете»²¹.

В Михайловском в 1824 г. Пушкин написал стихотворение «К морю», в котором простился с его «свободной стихией» и своими романтическими мечтами. Простился и с Байроном, который в апреле 1824 г. умер от лихорадки в Греции среди воюющих за освобождение от турецкой власти повстанцев. Таким образом Пушкин как бы подвел итог романтическому периоду своей жизни и попрощался с ним.

Четвертая, пятая и шестая главы *ЕО*, написанные в Михайловском, относятся уже к новой эпохе в творчестве Пушкина. Место их действия – русская деревня, как и в двух предыдущих главах (второй и третьей). Разница в том, что теперь и сам автор оказался там же, где жили герои его романа, как бы рядом с ними, чуть ли не соседом.

Работа над четвертой главой у Пушкина шла медленно (с октября 1824 г. до конца 1825 г.). В ней наибольшее количество авторских отступлений. Главное событие здесь – назидательная речь Онегина к Татьяне (4, XII–XVI), которая, однако, не прекратила «любви безумные страданья» (4, XXIII).

Увы, Татьяна увядает,
Бледнеет, гаснет и молчит!

(4, XXIV)

Вслед за этим автор рисует «картину счастливой любви» Ленского и Ольги (4, XXV–XXVII, XXXIV) и дает описание распорядка дня Онегина в деревне (4, XXXVII–XXXIX, XLIV), напоминающее образ жизни самого Пушкина в Михайловском в это время (за исключением чуждых Онегину литературных занятий): летом ранний подъем и купание в речке Сороти, зимой «ванна со льдом» и игра на бильярде с самим собой. В письме к Вяземскому 27 мая 1826 г. поэт признавался: «В 4-й песне Онегина я изобразил свою жизнь».

²¹ См. речь Достоевского на открытии памятника Пушкину в Москве в 1880 г. (опубликована в его «Дневнике писателя» за тот же год под заглавием «Пушкин»).

В четвертой главе автор уже не тот романтик, который уподоблял себя Овидию и бродил над морем, замышляя побег. Мы находим его с другими чувствами и в более прозаической обстановке.

Но я плоды моих мечтаний
И гармонических затей
Читаю только старой няне,
Подруге юности моей,
Да после скучного обеда
Ко мне забредшего соседа,
Поймав неожиданно за полу,
Душу трагедией в углу,
Или (но это кроме шуток),
Тоской и рифмами томим,
Бродя над озером моим,
Пугаю стадо диких уток...

(4, XXXV)

Автор тут уже не изгнанник на берегу огромного моря. Он вернулся в родные места и пугает уток над собственным озером. Но он по-прежнему несвободен и лишен общества тех, кто мог бы оценить его труды. Поэт Ленский, «любовник скромный», «читающий мечты свои предмету песен и любви» (4, XXXIV), вызывает у Пушкина ироническую улыбку, а не желание оказаться на его месте. Перед нами не романтический мечтатель, а профессиональный литератор, который нуждается не в сочувствующих, а в компетентных слушателях. Его одиночество не житейское, а профессиональное, но оттого не менее остро переживаемое. Задорные рассуждения об альбомах (4, XXVII–XXX), обращение к Языкову (4, XXXI), спор с «критиком строгим» (Кюхельбекером) об элегии и оде (4, XXXII–XXXIII) только оттеняют стремление автора оказаться в литературном мире, среди собратьев по ремеслу, в изоляции от которых он находится не по своей воле.

Трагедию же Пушкин тогда действительно сочинял. Это был «Борис Годунов» – главное произведение периода Михайловской ссылки. Окончив его 7 ноября 1825 г., он писал Вяземскому: «Трагедия моя кончена; я перечел ее вслух, один, и бил в ладоши, кричал, ай-да Пушкин, ай-да сукин сын!» Первая глава *ЕО* тогда уже была издана, и в том же письме поэт каламбурит, рассказывая о своей поездке во Псков: «Тамошний архиерей отец Евгений принял меня как отца Евгения».

Сам роман к тому времени почти остановился. 4 декабря 1825 г. Пушкин сообщал П.А. Катенину: «Онегин мне надоел и спит; впрочем, я его не бросил». Закончить затянувшуюся работу над четвертой главой ему удалось только 3 января 1826 г.

Между двумя этими датами одновременно произошли два события: одно – исторического масштаба, другое – касающееся лишь Пушкина и любителей его поэзии.

14 декабря 1825 г. в Петербурге на Сенатской площади произошел вооруженный мятеж (восстание декабристов). К концу дня он был подавлен и восставшие разбежались²². В тот же день в Михайловском Пушкин с удивительной быстротой дописал начатую накануне комическую поэму «Граф Нулин». О том, что происходит в этот момент в столице, он, конечно, не мог знать. Позднее, узнав о совпадении, он сделал запись: «Я имею привычку на моих бумагах выставлять год и число. «Граф Нулин» писан 13 и 14 декабря. Бывают странные сближения».

²² В восстании на Сенатской площади участвовали два ближайших лицейских друга Пушкина – Пущин и Кюхельбекер. Последний пытался бежать за границу и добрался до Варшавы, но был там пойман.

Сюжет поэмы анекдотичен: граф Нулин, столичный фронт, волокита, подобный Онегину в первой главе *ЕО*²³, попробовал обольстить милостивую провинциальную помещицу Наталью Павловну, но та с испугу вlepила ему пощечину, и граф, мгновенно унявшись, убрался восwo-яси.

Мысль об этом сюжете у Пушкина возникла после чтения поэмы Шекспира «Лукреция». Там пересказана история, из-за которой пала монархия в Древнем Риме: сын царя Тарквиний обесчестил целомудренную Лукрецию, поднялся бунт, царь был изгнан, а Рим стал республикой. Пушкин, по его словам, тогда задался вопросом, «...то если б Лукреции пришла в голову мысль дать пощечину Тарквинию? быть может, это охладило б его предприимчивость и он со стыдом принужден был отступить? <...> Брут не изгнал бы царей, и мир и история мира были бы не те». Сочиняя «Графа Нулина», Пушкин думал, что пародирует «историю и Шекспира», а получилось, что предсказал исход совершавшегося в тот день мятежа: «Тарквиний новый» бежал от Натальи Павловны, декабристы не изгнали царя.

В последнем эпизоде четвертой главы романа Ленский за бутылкой передает Онегину приглашение на именины Татьяны. Ленский весел, потому что «чрез две недели» (4, *L*) должна быть его свадьба. Пушкину же, автору «Бориса Годунова» и «Графа Нулина», узнавшему о военном мятеже в столице и его разгроме, не до веселья:

...о жалок тот, кто всё предвидит,
Чья не кружится голова,
Кто все движенья, все слова
В их переводе ненавидит,
Чье сердце опыт остудил
И забываться запретил!

Так заканчивается последняя строфа четвертой главы, написанная 3 января 1826 г. На следующий же день Пушкин начинает пятую главу. В ней почти не будет отступлений, о чем он специально уведомит читателей:

Пора мне сделаться умней,
В делах и в слоге поправляться,
И эту пятую тетрадь
От отступлений очищать.

(5, *XL*)

Пятая и шестая главы написаны в 1826 г. События в них роковые, как будто направляемые не человеческой рукой, и катастрофические, с необратимыми последствиями. В пятой главе – страшный сон Татьяны и ее именины, в шестой – дуэль и смерть Ленского. Пятая глава – единственная в романе, которая оканчивается не авторским отступлением, а внезапным обрывом повествования:

...е в силах Ленский снести удара;
Проказы женские кляня,
Выходит, требует коня
И скачет. Пистолетов пара,
Две пули – больше ничего —
Вдруг разрешат судьбу его.

²³ В «Графе Нулине» Пушкин использовал одну из пропущенных строк *ЕО* (см. комментарий: 1, XIII–XIV).

(5, XLV)

Пушкин и Ленский: (Дуэль и смерть поэта в «Евгении Онегине»)

Владимир Ленский – поэт, этим и интересен, и близок автору. Он погибает в январе 1821 г. в очень юном возрасте²⁴, не успев ни прославиться, ни создать что-то значительное. Только у автора романа, и то случайно, сохранилось одно его произведение – предсмертная элегия из 26 строк (6, XXI–XXII). В ней повторяются (и отчасти пародируются, но, конечно, Пушкиным, а не Ленским) расхожие мотивы элегической лирики 1800-1810-х гг., имевшей в то время успех, но в начале 1820-х гг. переживавшей кризис и вызывавшей насмешки критиков за мелкость интимного содержания, однообразие эмоций и бедность языка при изобилии клишированных выражений. Самым резким и принципиальным ее критиком в 1824 г. выступил Кюхельбекер²⁵. Он отказал элегии в свойствах истинной поэзии («свобода, сила и вдохновение»), доказывая при этом преимущества жанра оды. Пушкин же считал, что, если элегия отжила свой век, то ода и подавно, видя в них явления разных эпох (давно прошедшей и той, что сейчас заканчивается). В этом смысле он и возражает в *ЕО* своему лицейскому другу, называя его «критик строгий»: «два века ссорить не хочу» (см.: 4, XXXII–XXXIII). Не всем понятный юмористический подтекст этих возражений автора был в том, что Кюхельбекер, ополчившийся против элегии, был главным, наверное, прототипом Ленского²⁶, сочинителя элегий.

Кюхельбекер – один из самых близких Пушкину людей. В одном и том же 1814 г. вслед за Дельвигом они начали печатать свои стихотворения, а после Лицея все трое, приняв в свою компанию Баратынского, составили дружеский «союз поэтов» (потом к ним примкнул Плетнев). Литературная судьба Кюхельбекера поначалу складывалась благополучно, почти блестяще. К 1823 г., когда Пушкин писал первые главы *ЕО*, Кюхельбекер был известным поэтом. Расходясь с ним в некоторых литературных мнениях и вкусах, Пушкин о его стихах порой высказывался не без иронии, но ценил как критика, а главное, имел к нему дружескую привязанность. 13 мая 1823 г., через несколько дней после даты начала работы над романом, в письме к Н.И. Гнедичу он с иронией рассказал об адресованном ему стихотворном послании Кюхельбекера («К Пушкину», 1822)²⁷, между тем оно как минимум дважды отозвалось в романе²⁸, а начинается такими словами: «Мой образ, друг минувших лет, / Да оживет перед тобою!» Как знать, может быть, это обращение и подало Пушкину мысль отразить некоторые черты своего друга в одном из образов своего романа²⁹.

Литературные вкусы и поэзия Ленского вызывают иронию автора, но оправдываются его юным возрастом. Несмотря на слабость и незрелость стихотворений Ленского, автор подчеркивает их искренность («Его перо любовью дышит, / Не хладно блещет остротой») и даже сравнивает с элегиями Языкова (4, XXXI), которого считал самым многообещающим из поэтов

²⁴ Обычно считают, что Ленский погиб в 18 лет, исходя из замечания автора, что он «...ел поблеклый жизни цвет / Без малого в осмнадцать лет» (2, X), т. е. родился в 1803 г. (и был сверстником Н.М. Языкова). По другой версии (на наш взгляд, более вероятной), Пушкин считал его своим ровесником, родившимся в 1799 г. См. комментарий в наст. изд.

²⁵ В статье «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» (1824).

²⁶ Об этом недвусмысленно свидетельствовал Плетнев (адресат посвящения *ЕО*) в письме к Я.К. Гроту от 16 февраля 1848 г., рассказывая об одном своем выступлении в гостях у знакомых: «Я прочел там 2-ю главу Онегина. Это подало мне повод рассказать, как мастерски в Ленском обрисовал Пушкин лицейского приятеля своего Кюхельбекера. <...> рассказал о последнем несколько характеристических анекдотов... (Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым. Т.3. СПб., 1896. С.384).

²⁷ «Кюхельбекер пишет мне четырехстопными стихами, что он был в Германии, в Париже, на Кавказе и что он падал с лошади. Всё это кстати о Кавказском пленнике».

²⁸ См. комментарий в наст. изд. (1, XLV; 6, XXI).

²⁹ В этом же послании есть мотив, прямо касающийся судьбы Ленского в романе. Почитая себя несчастным, Кюхельбекер пишет, что на поединках роковым образом погибают не несчастные, а счастливые: «Вотще на поединках бурных / Я вызывал слепой свинец: / Он мимо горестных сердец / Разит сердца одних счастливых!»

младше себя. Иными словами, к Ленскому как поэту автор относится двойственно и не исключает, что дарования юноши со временем могли бы развернуться и он прославился бы как великий поэт (6, XXXVII). В отношении же к личности Ленского в *ЕО* решительно преобладают симпатия и сочувствие. Его влюбленность в Ольгу для автора (как и Онегина) немного смешна, но ее можно расценить и как подтверждение того, что Ленский был рожден поэтом, ведь Ольга, помимо своей заурядности, – «как жизнь поэта простодушна» (2, XXIII). Неопытность, наивность и склонность Ленского к самообману, как и в случае с Татьяной, вызывают у автора гораздо меньше иронии, чем жалости или умиления («Он сердцем милый был невежда» – 2, VII). И, как и Татьяну, по душевным качествам Ленского автор ценит выше Онегина, превосходящего своего юного друга по возрасту и по «уму»³⁰.

В характере Ленского обычно замечают наклонность к кроткой идиллической мечтательности, доверчивость и простодушие, не всегда обращая внимание на другие его черты – на его восторженность, порывистость и вспыльчивость, на его воинственный дух. Ленский – поклонник Шиллера (читает его перед смертью – 6, XX), человек с высокими принципами и идеалами, готовый пожертвовать за них жизнью, восторженный оратор, захваченный, среди прочего, идеями политического либерализма, «вольнлюбивыми мечтами» (2, VI)³¹. В совокупности эти черты были свойственны молодому Кюхельбекеру, способному по ничтожной причине, но зато из высоких принципов выйти на бой и даже вызвать на поединок друга (однажды, в ранней юности, он за что-то вызвал на дуэль самого Пушкина, но потом раскаялся и отказался стрелять, дело кончилось миром). Кюхельбекера отчасти характеризует и то, что он стал одним из прототипов другого общеизвестного литературного персонажа – Чацкого, героя комедии Грибоедова³². Характер и политические убеждения привели Кюхельбекера, литератора и сугубо гражданского человека, к участию в вооруженном мятеже на Сенатской площади, где он ярко себя проявил – пытался стрелять в генерала, а потом в великого князя Михаила Павловича (оба раза осечка), за что понес суровое наказание (десять лет одиночного заключения и ссылка в Сибирь).

За два месяца до декабрьского восстания 1825 г. Пушкин обращался к Кюхельбекеру со словами «мой брат родной по музе, по судьбам»³³. Новые известия о нем в 1826 г. не могли не потрясти Пушкина, и не исключено, что это сыграло свою роль в решении им судьбы пылкого младшего друга Онегина.

Ленский в *ЕО* погибает дважды – в первый раз в вешем сне Татьяны в пятой главе, а потом наяву в шестой. Так обнаруживается роковой характер этого события, его предопределенность. Нелепая дуэль не только обрывает жизнь юного поэта, но и навсегда изменяет жизнь Онегина и Татьяны. В романе это единственное событие с необратимыми последствиями, и, чтобы подчеркнуть это, Пушкин использовал целый набор композиционных приемов.

Жуткие образы сна Татьяны, «адские привидения» (5, XIX), отражаются в описании комически-уродливых гостей на ее именинах, что подготавливает читателей к тому, что сейчас произойдет что-то ужасное. На именинах в пятой главе Онегин и Ленский появляются как

³⁰ Анненков, биограф Пушкина, увидел в этом ценную для характеристики личности самого поэта черту: «Со второй главы начинается портрет Ленского. Несмотря на легкий оттенок насмешливости, с каким автор иногда говорит о молодом восторженном поэте, видно, что Пушкин любил своего Ленского, и притом любовью человека, уважающего высокое нравственное достоинство в другом. Иногда кажется, будто Пушкин ставит Ленского неизмеримо выше настоящего героя романа и все странности первого, как и все его заблуждения, считает почтеннее так называемых истин Онегина. <...> Черта, в нравственном отношении замечательная, и которой биография пренебречь не может» (Анненков П.В. Указ соч. С. 323).

³¹ В черновике этой строфы была и такая характеристика Ленского: «Крикун, мятежник и поэт». В следующей строфе (2, VII) иногда усматривают намек на его причастность к какому-то тайному обществу.

³² Кюхельбекер подружился с Грибоедовым на Кавказе. В Тифлисе, когда тот писал «Горе от ума», они проживали на одной квартире.

³³ См. обращенную к Кюхельбекеру строфу в стихотворении Пушкина «19 октября» («Роняет лес багряный свой убор...», 1825).

«два друга», а в следующей главе превращаются в «двух врагов» (нельзя не отметить, что эти слова навязчиво звучат в строфах с одинаковыми номерами):

...овут, сажают двух друзей.

Сажает прямо против Тани...

<...>

Она приветствий двух друзей

Не слышит...

(5, XXIX–XXX)

...арецкий тридцать два шага
Отмерил с точностью отменной,
Друзей развел по крайний след,
И каждый взял свой пистолет.

«Теперь сходитесь». Хладнокровно,

Еще не целя, два врага...

<...>

Онегин выстрелил... Пробили

Часы урочные: поэт

Роняет молча пистолет...

(6, XXIX–XXX)

Онегина и Ленского разделяли 32 шага³⁴. Каждый мог сделать не более 11 шагов до двух барьеров, между которыми было 10 шагов и за которые нельзя было переступить. По данному знаку начав сходитьсь, оба имели право выстрелить в любой момент. Опытный дуэлянт с серьезными намерениями обычно дожидался выстрела противника, после чего, стоя на месте и спокойно прицелившись, стрелял в него как в неподвижную мишень. Онегин выстрелил первым, на ходу, когда каждый успел сделать по 9 шагов («...четыре перешли шага, <...> Вот пять шагов еще ступили, <...> Онегин выстрелил... – 6, XXX). Ленский был убит на месте.

На дуэли Пушкина с Дантесом 27 января 1837 г. были установлены почти те же правила, только противников разделяли лишь 20 шагов (то есть до барьера каждый мог сделать не более 5 шагов). Дантес выстрелил первым. Раненый Пушкин упал на снег, потом приподнялся на локте, прицелился и выстрелил, но сумел только легко ранить Дантеса в правую руку. Почти полная идентичность правил, принятых на этих двух дуэлях, возможно, среди прочего, подразумевается в стихотворении Лермонтова «Смерть поэта» (1837), где Пушкин уподобляется своему не вкушившему литературной славы Ленскому («Как тот певец неведомый, но милый...»). Не лишним также будет напомнить, что инициатором дуэли с Дантесом был Пушкин (хотя формально было наоборот: вызов был прислан ему).

Начатый Ленским громкий спор с Онегиным и разбойничья поножовщина, привидевшиеся Татьяне во сне (5, XX–XXI), наяву оборачиваются пустяковой ссорой двух приличных людей и дуэлью, которой легко было избежать, если б Онегин явил себя «не мячиком предрас-

³⁴ Любопытно, что числа 30 и 2 уже были в рассказе об именинах Татьяны, где среди гостей появляются «...котинины, чета седая, / С детьми всех возрастов, считая / От тридцати до двух годов» (5, XXVI). Фамилия и плодовитость этой четы – из комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль».

суждений», а «мужем с честью и умом» (6, X), если б в дело не вмешался «старый дуэлист» Зарецкий (6, XI), если б вовремя узнала о ней Татьяна...

Ах, может быть, ее любовь
Друзей соединила б вновь!

(6, XVIII)

Автор всячески дает понять, что дуэль могла не состояться, но тем только подчеркивает предопределенность смерти Ленского: для него «пробили часы урочные».

Автору, как и читателям, «жаль поэта» (6, XXXVI), и он продолжает рассуждать о нем. В двух строфах (XXXVII, XXXIX) изложены два варианта непрожитой жизни Ленского, а между ними – пропущенная строфа (XXXVIII), предполагающая и третий вариант³⁵, который автор уже целиком и полностью отдал читательской фантазии.

Но что бы ни было, читатель,
Увы, любовник молодой,
Поэт, задумчивый мечтатель,
Убит приятельской рукой!..

(6, XL)

Гибель Ленского, поистине роковая, предопределила дальнейшие события в романе. Ольга находит нового жениха (безымянного улана) и вместе с ним навсегда скрывается от читателей. Онегин отправляется в путешествие, из которого вернется другим человеком. Татьяну везут в Москву и отдают замуж.

До убийства, совершенного Онегиным, его отношения с Татьяной могли получить иное развитие (еще на ее именинах «...зор его очей / Был чудно нежен» – 5, XXXIV) и счастье действительно было «возможно» и «близко», но после того уже нет. Между ними встала тень убитого жениха Ольги, любимой сестры. Отъезд из деревни, «...де окровавленная тень / Ему являлась каждый день» (8, XIII), показался Онегину единственным выходом, но это-то и разлучило его с Татьяной окончательно. В письме к ней в последней главе романа Онегин будет горько о том сожалеть:

Еще одно нас разлучило...
Несчастной жертвой Ленский пал...
Ото всего, что сердцу мило,
Тогда я сердце оторвал;
Чужой для всех, ничем не связан,
Я думал: вольность и покой
Замена счастью. Боже мой!
Как я ошибся, как наказан!

На события последних глав *ЕО*, вплоть до финальной сцены объяснения Татьяны с Онегиным и появления ее мужа с «незапным звоном» шпор (8, XLVIII), падает отсвет роковой неизбежности от той нелепой и ненужной дуэли, на которой был убит Владимир Ленский, юный поэт.

³⁵ Пропущенная строфа с третьим вариантом судьбы Ленского Пушкиным была уничтожена, но все-таки сохранилась. В ней автор сулил ему судьбу героя, тирана или политического заговорщика: Ленский мог прожить (а верней, окончить жизнь), как Кутузов и Нельсон, как Наполеон или как Рылеев (см. комментарий в наст. изд.).

Пушкин и Татьяна в Москве: (глава седьмая)

Пока заканчивалась работа над пятой и шестой главами *ЕО*, жизнь Пушкина переменялась. В начале лета 1826 г. он отправил письмо императору Николаю I с просьбой позволить ему ехать для лечения в Москву, Петербург или «в чужие края» и обещал «не противуречить» «общепринятому порядку». По приказу царя 8 сентября 1826 г. Пушкин с фельдьегерем был доставлен в Москву для личной с ним встречи. Она состоялась в тот же день в Чудовом монастыре. После беседы, продолжавшейся более часа, Николай I заявил, что разговаривал «с умнейшим человеком в России». Ссылка Пушкина закончилась, а сочинения его освободились от общей цензуры, потому что сам царь вызвался быть его личным цензором³⁶.

Тот знаменательный для него день Пушкин увековечил в седьмой главе *ЕО*:

Ах, братцы! как я был доволен,
Когда церковей и колоколен,
Садов, чертогов полукруг
Открылся предо мною вдруг!
Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!..

(7, XXXVI)

Москва, город детства Пушкина, откуда его в 1811 г. увезли в Лицей и где с тех пор он ни разу не бывал, встретила его восторженно. Два месяца поэт купался в лучах славы, после чего все-таки вернулся в Михайловское, где закончил и переписал набело пятую главу *ЕО* и поставил дату – 22 ноября 1826 г.

Шестая глава тогда тоже в целом была написана. Не хватало лишь концовки, потому что закончить главу о гибели юноши-поэта в мажорном ключе было бы некрасиво, а настроение у Пушкина в то время было оптимистическое. Нужные строфы (*XLIII–XLV*) он сочинил только 10 августа 1827 г. (тоже в Михайловском).

Москва к тому времени его несколько разочаровала. Личное покровительство царя обернулось опекой III отделения. «Борис Годунов» оставался неизданным (до 1831 г.). В обществе поговаривали, что поэт, прежде будто бы такой либеральный, изменил своим убеждениям. Жизнь в Москве и Петербурге (куда он переехал в конце мая 1827 г.) прибавила материальных забот, а молодость, казалось, прошла. Пушкин вступил в пору творческой зрелости и на былые восторги публики, когда «молодежь минувших дней» «буйно волочилась» за его Музой (8, III), уже не рассчитывал. От настоящего его все больше тянуло к прошлому, от стихов – к прозе. В июле 1827 г. он уже начал писать свое первое прозаическое сочинение – исторический роман «Арап Петра Великого»³⁷. Это свое новое умонастроение Пушкин и выразил в написанных в августе 1827 г. заключительных строфах для главы о смерти юного поэта:

Лета к суровой прозе клонят,
Лета шалунью рифму гонят...

³⁶ Вторая глава *ЕО*, изданная в октябре 1826 г., и поэма «Цыганы» были последними книгами Пушкина, напечатанными с обычным цензурным разрешением. На следующих указывалось, что они печатаются «с дозволения Правительства».

³⁷ Пушкин этот роман не закончил и даже не дал ему названия. Впервые он был опубликован после его смерти в 1837 г., заглавие дал В.А. Жуковский.

<...>

Ужель и впрямь и в самом деле
Без элегических затей
Весна моих промчалась дней
(Что я шутя твердил доселе)?
И ей ужель возврата нет?
Ужель мне скоро тридцать лет?

Так, полдень мой настал, и нужно
Мне в том сознаться, вижу я.

<...>

Довольно! С ясною душою
Пускаюсь ныне в новый путь
От жизни прошлой отдохнуть.

(6, XLIII–XLV)

В «новый путь» после смерти Ленского отправились и герои романа: Онегин – в свои бесцельные странствия, Татьяна – в Москву.

Седьмая глава *ЕО* была написана в 1827–1828 гг. (начата 18 марта 1827 г., завершена 4 ноября 1828 г.). Вся она посвящена Татьяне и поделена между деревней и Москвой. После отъезда Ольги Татьяна остается «в одиночестве жестоком» (7, XIV). Она по-прежнему любит Онегина, но совершенное им убийство заставило ее взглянуть на него по-другому, открыло худшие его стороны. В «пустынном замке» уехавшего Онегина она читает его любимые книги, в которых действуют герои, во всем разочарованные, с душой «себялюбивой и сухой» (7, XXII), и сама испытывает первое в своей жизни разочарование:

И начинает понемногу
Моя Татьяна понимать
Теперь яснее – слава Богу —
Того, по ком она вздыхать
Осуждена судьбою властной...

<...>

Уж не пародия ли он?

(7, XXIV)

«Слава Богу», – говорит автор, потому что страсть Татьяны к Онегину, в котором она должна была «ненавидеть убийцу брата своего», в разлуке стала только сильнее (7, XIV). Вовремя не прозрев, не научившись побеждать страсти разумом, то есть «властвовать собой» (как раньше честно посоветовал ей Онегин – 4, XVI), Татьяна могла погибнуть – увянуть от тоски, впасть в безумие или как-нибудь еще. Безрассудная страсть бесплодна и разрушительна, а порой и безобразна вопреки романтическим представлениям. Пушкин показал это в поэме «Полтава» (написанной в 1828 г., когда продолжалась работа над седьмой главой *ЕО*). Слепая страсть Марии к гетману Мазепе, коварному старику, погубившему ее отца, и предателю царя, под конец привела ее к жалкому сумасшествию: «И с диким смехом завизжала, <...> И скрылась в темноте ночной». Татьяна не заслуживала такой участи, да и любимый ею Онегин был не злобным и безжалостным властолюбцем, чей «дух неукротим», а только невольным убийцей и несчастным чудаком, подражателем героев модных романов.

Татьяна избавляется от иллюзий, не переставая любить Онегина. Она становится вровень с автором *ЕО*, который именно так и относится к своему герою – с пониманием и сочувствием

при ясном сознании его слабых сторон, не скрываемых от читателя. Такую Татьяну – трезво оценивающую даже своего единственного любимого человека – уже можно было выводить в свет, не опасаясь, что она будет обманута его внешним блеском и не сумеет отличить в нем пошлых кривляк от людей, заслуживающих уважения. Такая Татьяна могла стать собеседницей князя Вяземского (7, XLIX) и таким образом приобщиться к ближайшему окружению самого Пушкина.

В Москву Татьяна едет не по своей воле, но уже готовая к тому, что ей предстоит. С родными местами она прощается не как девушка, мечтающая о счастье, а как героиня, покорная высшему призванию, идущая навстречу своей судьбе:

Простите, мирные долины...
<...
Меняю милый, тихий свет
На шум блистательных сует...
Прости ж и ты, моя свобода!
Куда, зачем стремлюся я?
Что мне сулит судьба моя?

(7, XXVIII)³⁸

В соответствии с тремя эпиграфами к седьмой главе Пушкин говорит о Москве сначала с гордостью и патриотическим воодушевлением, потом с умилением и добродушным юмором и, наконец, по-грибоедовски, с негодованием сатирика. Так же меняются и впечатления Татьяны. Впервые оказавшись в многолюдном московском обществе, она скоро узнает ему цену и испытывает сходные с авторскими переживания:

Татьяна вслушаться желает
В беседы, в общий разговор;
Но всех в гостиной занимает
Такой бессвязный, пошлый вздор...

(7, XLVIII)

Татьяна смотрит и не видит,
Волнение света ненавидит;
Ей душно здесь... Она мечтой
Стремится к жизни полевой,
В деревню, к бедным поселянам,
В уединенный уголок,
Где льется светлый ручеек,
К своим цветам, к своим романам...

(7, LIII)

Она еще только на пороге своей новой судьбы с «шумом блистательных сует», но уже грустит о прежней уединенной и мечтательной жизни, к которой не будет возврата. Новая судьба Татьяны является в облике «важного генерала», который не сводит с нее глаз (7, XLIV), и автор иронически поздравляет ее «с победой».

³⁸ Давно замечено, что эта строфа перекликается с монологом Иоанны (Жанны д'Арк) в начале драмы Ф. Шиллера «Орлеанская дева» (см. комментарий).

Читатели, в отличие от Онегина знающие, что пережила и передумала Татьяна после его отъезда, не будут сильно удивлены, когда в последней главе, спустя два с половиной года, она появится перед ними не влюбленной «девочкой несмелой»,

...о равнодушною княгиней,
Но неприступною богиней
Роскошной, царственной Невы.

(8, XXVII)

Пушкин и Татьяна в большом свете: (глава восьмая)

Восьмая, последняя глава *ЕО* возвращает нас к месту действия первой – в Петербург. Повторяется зимнее затворничество Онегина в «молчаливом кабинете», его «хандра» и беспорядочное чтение книг (8, XXXIV–XXXV; ср.: 1, XLII–XLIII), но вся атмосфера восьмой главы не та, что в первой, да и в других главах романа. Это прощальная глава с соответствующими эпитафией и концовкой. Она начинается с рассказа о превращениях Музы поэта. Своенравная и вольнолюбивая, одичавшая среди «племен бродящих» (8, V), она появляется на «светском рауте», где на «прелести ее степные» могут посмотреть свысока (8, VI). Поэт и его Муза оказываются в новой и чужой для них обстановке.

Вдруг изменилось все кругом...

(8, V)

Как изменилася Татьяна!..

(8, XXVIII)

Как и Муза поэта, Татьяна внутренне осталась прежней «бедной Таней» (8, XXI), но на людях она совершенно другая:

У! как теперь окружена
Крещенским холодом она!

(8, XXXIII)

Вернувшийся в Петербург Онегин тоже почти неузнаваемо переменяется: прежний холодный эгоист теперь «в Татьяну как дитя влюблен» (8, XXX). Любовь пробудила его от душевной апатии, но не оживила его, а лишь сделала ощутимее мучения от запоздалого раскаяния. И автор заранее склонял читателей к признанию закономерности такого исхода:

... возраст поздний и бесплодный,
На повороте наших лет,
Печален страсти мертвой след...

(8, XXIX)

Изменилось «все кругом», но преследующий Онегина образ убитого Ленского остался неизменным:

...идит он: на талом снеге,
Как будто спящий на ночлеге,
Недвижим юноша лежит,
И слышит голос: что ж? убит.

(8, XXXVII)

В последнем объяснении Татьяны с Онегиным вполне обнаруживается возвышенный строй ее мыслей и чувств, ее нравственная безупречность и благоразумие. Онегин узнает, что Татьяна по-прежнему любит его, но что теперь это для нее почему-то не главное, и стоит «как

будто громом поражен» (8, XLVIII). Порок в его лице терпит заслуженное наказание – совсем как в старых романах, которыми Татьяна зачитывалась в деревне, в романах чувствительных и нравоучительных, где

...ри конце последней части
Всегда наказан был порок,
Добру достойный был венок.

(3, XI)

Финал *ЕО* открытый, жизнь героев не завершена, но объяснились они окончательно. Финал этот очень грустный, потому что мы узнали, что не только Онегин, «пасмурный чудака, убийца юного поэта» (6, XLII), но и самоотверженная, добродетельная Татьяна глубоко несчастна, что сердце ее безучастно к свету, в котором она теперь живет. Мы узнаем это от нее самой:

А мне, Онегин, пышность эта,
Постылой жизни мишура,
Мои успехи в вихре света,
Мой модный дом и вечера,
Что в них?...

(8, XLVI)

Онегина автор бросает «в минуту, злую для него» (8, XLVIII), а Татьяну оставляет при высказанном ею взгляде на жизнь, очень похожем на тот, который в начале главы был назван «несносным» («Несносно <...> глядеть на жизнь как на обряд... – 8, XI).

Жалуясь на свое новое положение, внешне, казалось бы, столь блестящее, Татьяна с тоской вспоминает о родных местах, где впервые встретила Онегина, «где нынче крест и тень ветвей» над могилою ее «бедной няни», о том времени, когда

...часть было так возможно,
Так близко!..

(8, XLVII)

Кюхельбекер, прочитав последнюю главу, 17 февраля 1832 г. записал в дневнике: «Поэт в своей 8 главе похож сам на Татьяну: для лицейского его товарища, для человека, который с ним вырос и его знает наизусть, как я, везде заметно чувство, коим Пушкин переполнен, хотя он, подобно своей Татьяне, и не хочет, чтоб об этом чувстве знал свет»³⁹. 1 мая 1832 г. он сделал новую запись на этот счет: «Читал я <...> последнюю главу «Онегина»: в ней много, много чувства; несколько раз слезы навертывались у меня на глаза: нет, тут не одно искусство, тут сердце, тут душа!»⁴⁰

Татьяна в восьмой главе максимально приближена к автору, который в начале главы почти отождествляет ее со своей Музой (строфы V, VI), а в конце дважды называет своим «идеалом»: «мой верный идеал» (L), «Татьяны милый идеал» (LI) (тут можно вспомнить: «на модном слове *идеал* задремал поэт Ленский, сочинив последние в своей жизни стихи, см.: 6, XXIII). Это уже не мечтательная сельская барышня, а знающая свет и людей княгиня, окру-

³⁹ Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи / Изд. подг. «М.Г.Альцшюллер», Н.В.Королева, В.Д. Рак. Л., 1979. С. 99–100 (серия «Литературные памятники»).

⁴⁰ Там же. С.121.

женная заслуженным почетом и уважением, «законодательница зал» (8, XXVIII). Онегина она теперь понимает не многим хуже, чем сам автор. Но о каком «чувстве» говорит Кюхельбекер, который после декабря 1825 г. уже семь лет провел в одиночном заключении, отрезанный от внешнего мира? Он думает, конечно, не о романном образе автора, а о настоящем Пушкине, своем друге. И его высказывание можно понять так, что Пушкин, находящийся сейчас в куда более завидных обстоятельствах, чем Кюхельбекер, на самом деле, подобно Татьяне, тяготится своим положением и с грустью вспоминает о времени, когда был менее благополучен, но, может быть, более счастлив или, по крайней мере, независим и беззаботен.

Пушкин и Онегин: «Мой спутник странный...»

Сноснее многих был Евгений...

(2, XV)

Прости ж и ты, мой спутник странный...

(8, L)

В начале романа Пушкин представил Онегина как «молодого повесу» (1, II), в шестой главе наградил титулом «убийца юного поэта» (6, XLII), а под конец бросил «в минуту, злую для него» (8, XLVIII), в почти анекдотической ситуации (Татьяна вышла, входит муж). Автор бросил его в положении проученного волокиты вроде графа Нулина, предварительно обнаружив полное превосходство Татьяны над ним. Как будто автор не очень хорошо относится к заглавному герою романа, как будто наказывает Онегина за пороки и заблуждения. Зачем же тогда Татьяна, «милый идеал» автора, осуждена была полюбить такого человека и, по ее признанию, продолжает его любить? Зачем сам автор избрал его своим спутником и не покидал семь с лишним лет, пока сочинялся роман? Читатели последней главы вправе были задаться такими вопросами.

В то время, когда Пушкин писал восьмую главу (декабрь 1829 – сентябрь 1830), у публики, судившей об Онегине по шести напечатанным на тот момент главам (седьмая, целиком посвященная Татьяне, вышла в марте 1830 г.), сложилось устойчивое мнение, что это «пустой» и неглубокий характер. Так судили даже дружественные автору романа, умные и тонкие критики вроде И.В. Киреевского, писавшего в 1828 г.: «...негин есть существо совершенно обыкновенное и ничтожное. <...> Он не живет внутри себя жизнью особенною, отменною от жизни других людей, и презирает человечество потому только, что не умеет уважать его. Нет ничего обыкновеннее такого рода людей, и всего меньше поэзии в таком характере. <...> Сам Пушкин, кажется, чувствовал пустоту своего героя и потому нигде не старался коротко познакомить с ним своих читателей. Он не дал ему определенной физиономии, и не одного человека, но целый класс людей представил он в его портрете: тысяче различных характеров может принадлежать описание Онегина»⁴¹.

Заявление о нежелании снова встречаться с этим «пустым» героем Пушкин сам вложил в уста читателей последней главы:

Всё тот же ль он, иль усмирился?
Иль корчит также чудака?
Скажите, чем он возвратился?
<...>
По крайней мере мой совет:
Отстать от моды обветшалай.
Довольно он морочил свет...

⁴¹ Киреевский И.В. Нечто о характере поэзии Пушкина <1828> // Киреевский И.В. Критика и эстетика. М., 1979. С. 52–53.

(8, VIII)

Действительно, к началу восьмой главы у нас, читателей, могли накопиться обоснованные претензии к Онегину. Мы знаем, что он разбил сердце девушки и убил друга. Знаем, что его «неподражательная странность», о которой говорилось в начале романа (I, XLV), возматывала от чтения модных литературных новинок. Знаем, что, претендуя стоять выше общества, на деле он испугался даже речистого провинциального негодяя Зарецкого, что репутация для него оказалась важнее, чем честь, а тем более дружеские чувства, что из-за его малодушия погиб благородный юный поэт. В общем, что он только «корчит чудака» и «морочит свет». Но тут-то автор, приятель и «отец Евгения»⁴², как раз встает на его защиту:

Зачем же так неблагоприятно
Вы отзываетесь о нем?
За то ль, что мы неугомонно
Хлопочем, судим обо всем,
Что пылких душ неосторожность
Самолюбивую ничтожность
Иль оскорбляет, иль смешит,
Что ум, любя простор, теснит,
Что слишком часто разговоры
Принять мы рады за дела,
Что глупость ветрена и зла,
Что важным людям важны вздоры,
И что посредственность одна
Нам по плечу и не странна?

(8, IX)

Здесь мы с удивлением узнаем об Онегине нечто такое, чего прежде в нем как будто не замечали: 1) он, оказывается, имел пылкую душу; 2) был неосторожен в жизни; 3) раздражал своим умом окружающих; 4) не занимался «вздорами», которые в свете считаются важными вещами; 5) явно возвышался над уровнем посредственности.

Кажется, это какой-то другой Онегин, не очень похожий на «молодого повесу», описанного в первой главе: тот, как мы помним, просто устал от светских развлечений и любовных интриг, пострадал от русской хандры, сделался угрюмым и томным, как Чайльд-Гарольд (I, XXXVIII), и по случаю уехал в деревню. Новая характеристика куда лучше подошла бы герою другого произведения другого автора – Чацкому, умному и честному герою комедии Грибоедова. Ведь это он, Чацкий, своей пылкостью и умом оскорблял и смешил московское общество и на себе испытал его ветреность и злобу. И точно: именно с Чацким через три строфы автор и сравнивает вновь появившегося в Петербурге Онегина:

Он возвратился и попал,
Как Чацкий, с корабля на бал.

(8, XIII)

В странствиях после убийства Ленского Онегин провел три года и вернулся из них с новыми мыслями о своей жизни и самом себе. Столько же времени прошло после окончания

⁴² Слова из каламбурного высказывания Пушкина в письме Вяземскому от 7 ноября 1825 г. (см. выше в разделе «Пушкин в Михайловском»).

ссылки Пушкина (сентябрь 1826 г.) до начала работы над главой о путешествии Онегина – 2 октября 1829 г. Тогда были написаны ее первые строфы, которые потом, решив исключить путешествие из основного текста, Пушкин перенес в восьмую главу:

Блажен, кто смолоду был молод,
Блажен, кто вовремя созрел,
<...
Но грустно думать, что напрасно
Была нам молодость дана,
Что изменяли ей всечасно,
Что обманула нас она;
Что наши лучшие желанья,
Что наши свежие мечтанья
Истлели быстрой чередой,
Как листья осенью гнилой... .

(8, X–XI)

Эти строфы Пушкин написал в Москве, вернувшись из путешествия к персидской и турецкой границе, где русские войска вели боевые действия с Персией. По дороге он побывал в Грузии, во Владикавказе, Пятигорске, Кисловодске, в кубанских и донских казачьих станицах, в Новочеркасске, Воронеже. Полученные впечатления отразились в первом законченном прозаическом сочинении Пушкина – «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года». Часть из них отразилась в *ЕО*, в описании путешествия Онегина. В печатном (окончательном) тексте оно начинается с Москвы, а полный его маршрут (представленный в рукописи⁴³) выглядел так: Петербург (сюда он приехал из деревни) – Новгород – Валдай, Торжок и Тверь – Москва – Нижний Новгород – Астрахань – Северный Кавказ – Грузия – кавказские курорты с минеральными источниками (Пятигорск и Кисловодск) – «кубанские равнины» – Тамань – Крым – Одесса. Как видно, Пушкин провел Онегина по местам, в которых побывал сам. В рукописи путешествия также сообщалось, что в Одессе Онегин вновь встретился с автором и отсюда же они разъехались в разные стороны: Пушкин – в Михайловское (в августе 1824 г.), Онегин – «к невским берегам», где ему предстояла новая встреча с Татьяной.

По внутренней хронологии романа Онегину тогда исполнилось 29 лет (из деревни он уехал за три года до этого, «дожив без цели, без трудов, до двадцати шести годов» – 8, XII). Пушкин был на четыре года моложе своего героя и к тому же рубежу приблизился в 1828 г. В его жизни этот год оказался переломным.

До тридцатилетнего возраста, когда, как считал Пушкин, заканчивалась молодость, оставался только один год. К тому времени надо было обдумать свое прошлое, критически оценить свои отношения с миром и, как подобает зрелому мужу, принять сознательные и ответственные решения о том, как жить дальше. В 1828 г. Пушкин подводил итоги, и они не казались ему утешительными. Для него это было время тяжелого душевного кризиса, мучительных воспоминаний и сомнений в себе.

В день своего рождения 26 мая 1828 г., когда ему исполнилось 29 лет, Пушкин написал одно из самых мрачных своих стихотворений:

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
<... .

⁴³ Сохранившиеся только в рукописи строфы путешествия Онегина см. в комментариях в наст. изд.

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

За неделю до этого (19 мая) было написано стихотворение «Воспоминание» – о ночных «часах томительного бденья», о том, как при чтении свитка прожитой жизни разгораются «змеи сердечной угрызенья»:

И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

Сходными переживаниями Пушкин наделил и двадцатидевятилетнего Онегина в восьмой главе. Зимой 1824/1825 гг.⁴⁴, не имея возможности видеть Татьяну, которую он теперь полюбил, Онегин проводит как затворник, в «молчаливом кабинете». Он тоже пересматривает свое прошлое и терзается сознанием того, что Татьяна, единственное светлое явление среди безобразия и пустоты прожитой им жизни, теперь утрачена для него навсегда:

...идит он врагов забвенных,
Клеветников, и трусов злых,
И рой изменниц молодых,
И круг товарищей презренных,
То сельский дом – и у окна
Сидит *она*... и всё она!..

(8, XXXVII)

Онегин в восьмой главе – обвиняемый, подсудимый. Его обвиняют читатели, сам он терзается сознанием своей вины (его преследует образ убитого Ленского), а потом выслушивает упреки Татьяны, причем не только заслуженные. Она обвиняет его в мелочном тщеславии и низких побуждениях для запоздало проснувшейся страсти:

...ачем у вас я на примете?
Не потому ль, что в высшем свете
Теперь являться я должна;
Что я богата и знатна,
Что муж в сраженьях изувечен,
Что нас за то ласкает двор?
Не потому ль, что мой позор
Теперь бы всеми был замечен
И мог бы в обществе принести
Вам соблазнительную честь?

⁴⁴ В этот период, а именно 7 ноября 1824 г., в Петербурге случилось ужасное наводнение, описанное Пушкиным в «Медном всаднике» (1833). В последней главе ЕО это никак не отражено. Онегин погружен в собственную «бурю ощущений» (8, XLVIII). Затронувшее всех петербургских жителей трагическое событие никак не отразилось на его жизни и настроении (так же как в годы его юности Отечественная война 1812 года). Не лишним будет напомнить, что это наводнение не коснулось и Пушкина, находившегося тогда на юге.

(8, XLIV)

Здесь звучат обида, досада. Татьяна говорит их в запальчивости и сама знает, что не права. Под конец она смягчает свой «приговор» и куда справедливей оценивает Онегина:

Я знаю: в вашем сердце есть
И гордость и прямая честь.

(8, XLVII)

В этой оценке – ключ к пониманию образа Онегина и привязанности автора к нему. Именно эти качества Татьяна угадала в нем еще при первой встрече, доверилась им, написала о них в письме («Но мне порукой ваша честь, / И смело ей себя вверяю... – глава 3), и не ошиблась.

Как бы ни был Онегин грешен и легкомыслен, он не тот человек, который способен расчетливо кого-то погубить или использовать в своих целях. Он любит представляться эгоистом и циником, но меньше всего думает о своих практических выгодах. Он не ведает забот корыстолюбца и приобретателя, не знает беспокойства и зависти честолюбца, желающего продвинуться по службе или занять положение в обществе, не стремится возвыситься над кем-то, не ищет власти и не глядит «в Наполеоны», как многие, для кого «двуногих тварей миллионы... орудие одно» (2, XIV). Возможно, от всех этих страстей его избавили лень, холодность и равнодушие, но тогда они не такие уж дурные свойства. По крайней мере, автор поначалу глядел на них снисходительней, чем на другие человеческие пороки: «Сноснее многих был Евгений... (2, XIV). Потом выяснится, что они не так уж безобидны, потому что именно из-за холодности и равнодушия Онегин оттолкнет влюбленную Татьяну и выйдет на дуэль с Ленским. Эти два поступка – худшее из всего, что сделал Онегин, но все-таки в них не было ни своекорыстного расчета, ни намеренного эгоистического самоутверждения, поэтому в последней главе рассказавшийся и несчастный Онегин вызывает не злорадство, а сочувствие автора и читателей.

Любовь Татьяны Онегин отверг, оберегая свое холостяцкое положение, независимость и покой. На дуэль с Ленским вышел, боясь насмешек и презрения, из страха за свою репутацию в свете. Мотивы этих поступков, в общем-то, можно выразить и на языке высоких понятий: он отстаивал свою *свободу* и *честь*. Так, конечно, и думал Онегин. Драма его заключалась в том, что это был самообман, поддержанный светскими предрассудками и литературными клише. «Честь» свою он блистательно защитил, но лишь в глазах Зарецкого, бесчестного сплетника и мерзавца (от таких людей часто и зависит репутация в обществе), а на деле предал дружбу, стал убийцей поэта и потерял самоуважение, взамен получив угрызения совести. Письмо Татьяны, «души доверчивой признанья», заставило его поволноваться (4, XI–XII), но как «мудрец пустынный» (2, IV) он «мудро» оградил свой покой от посягательства чувства и не упустил случая выступить с нотацией «в благом пылу нравоученья» (8, XX). По ироническому комментарию автора, с Татьяной Онегин «очень мило поступил» и «не в первый раз... явил души прямое благородство» (4, XVIII). На самом же деле он просто не поверил ей и не понял себя, упустив возможное и близкое счастье («А счастье было так возможно, / Так близко!...» – 8, XLVII). Онегин тогда «ошибся», в чем теперь и признается в письме к Татьяне:

Случайно вас когда-то встретья,
В вас искру нежности заметя,
Я ей поверить не посмел:
Привычке милой не дал ходу;
Свою постылую свободу
Я потерять не захотел.

<...>

Как я ошибся, как наказан!

Свобода здесь названа «постылой», потому что теперь Онегин понимает, что для него она была не высокой ценностью, достойной защиты, а лишь другим именем привычного ему образа жизни – в материальном достатке и безделье, свободой от обязательств и каких-либо жизненных целей. Именно такой изображалась жизнь Онегина в первой главе. Приверженность Онегина идеалам свободы и чести оказалась умозрительна и неглубока, произошла подмена, и он показал себя бессердечным демагогом в отповеди Татьяне и малодушным «мячиком предрассуждений» в дуэльной истории с Ленским.

«Ошибки» Онегина были следствием заблуждений «ума», а не «сердца», а те, в свою очередь, были данью своему времени – литературным и поведенческим модам, характерным для столичной светской молодежи, к которой он принадлежал. Это ошибки «героя времени» – типичного, но не самого заурядного из его представителей.

Автор подружился с Онегиным, «...словий света свергнув бремя, / Как он, отстав от суеты» (I, XLV). Их сблизило отвращение от светских забав и критическое умонастроение. Как и автор, Онегин не просто жил, а «жил и мыслил» (I, XLVI), причем мысли его были свободны от корысти и суеты. Этим он и интересен Пушкину, потому он и избрал его своим спутником.

В «Евгении Онегине» представлена панорама жизни русского дворянства – петербургского, провинциального, московского. Онегин, с его умеренной отчужденностью от общества, лишенный житейских попечений и низменных страстей, критически мыслящий, а не теряющийся в поэтических грезах (как Ленский), был для автора подходящим спутником – одновременно участником и как бы сторонним наблюдателем этой жизни (в седьмой главе в той же роли была повзрослевшая Татьяна, но степень ее чуждости московскому обществу гораздо выше, поэтому сатирические интонации в описании Москвы особенно сильны). Поэтическая сторона действительности, открытая автору (и поэту Ленскому), для Онегина почти недоступна, но в остальном он – персонаж, внутренне близкий автору, с теми же увлечениями и разочарованиями, с теми же кумирами (Байрон) и заблуждениями ума, с теми же поздними сожалениями о них. Начав с указания на «разность» между Онегиным и собой (I, LVI), Пушкин далее наделяет его своими привычками и распорядком дня в Михайловском (в четвертой главе), отправляет в путешествие почти по тем же местам, по которым проехал сам в 1829 г., и, наконец, дает ему пережить некоторые собственные душевные муки от подведения итогов мятежной молодости.

Путешествие Онегина и переоценка им собственной жизни в восьмой главе произвели в нем перемену. Светское фатовство, оригинальничанье по модным литературным образцам, злоязычие и цинизм исчезли как нечто напускное. В Онегине показался человек, который, по выражению А.А. Григорьева, «внутри себя гораздо проще, лучше и добрее своих идеалов»⁴⁵, способный быть пылким, откровенным и неосторожным, как Чацкий (таков Онегин в письме к Татьяне). В последней сцене романа перед нами не «пародия», не «москвич в гарольдовом плаще», а человек, переживший моральную катастрофу, погруженный «в бурю ощущений», переродившийся Онегин, в котором остались только лучшие его черты, достойный любви Татьяны, дружбы автора и какой-то новой, более осмысленной жизни. Но здесь-то Пушкин

⁴⁵ «Мрачный сплин и язвительный скептицизм Чайльд-Гарольда заменился в лице Онегина хандрою от праздности, тоскою человека, который внутри себя гораздо проще, лучше и добрее своих идеалов, который наделен критической способностью здорового русского смысла, т. е. прирожденною, а не приобретенною критической способностью, который – критик, потому что даровит, а не потому, что озлоблен, хотя сам и хочет искать причин своего критического настроения в озлоблении, и которому та же критическая способность может – того и гляди – указать дорогу выйти из ложного и напряженного положения на ровную дорогу» (Григорьев А.А. Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина <1859> // Григорьев А.А. Апология почвенничества. М., 2008. С.201).

и заканчивает свой роман и вопрос о возможности для Онегина этой новой жизни оставляет открытым.

Открытый финал: (Болдинская осень 1830 г.)

В 1830 г. Пушкин готовился стать женатым человеком. Согласие на брак с Натальей Гончаровой было получено. Отец Пушкина, Сергей Львович, передал ему долю наследственного имени Пушкиных в Болдино в Нижегородской губернии. Прежде Пушкин здесь никогда не бывал. Он приехал сюда 3 сентября 1830 г., чтоб оформить на себя владение землей и крестьянами. В России тогда началась эпидемия холеры, и из-за карантинных, затрудняющих переезды, он задержался здесь до конца ноября 1830 г.

Так случилась первая Болдинская осень Пушкина, изумительная по количеству созданных им за эти три месяца шедевров: «Повести Белкина» («Гробовщик», «Станционный смотритель», «Барышня-крестьянка», «Выстрел», «Метель»⁴⁶), маленькие трагедии («Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Каменный гость», «Пир во время чумы»), «Сказка о попе и его работнике Балде», «История села Горюхина», поэма «Домик в Коломне» и около 30 лирических стихотворений. Первым из них была «Элегия», написанная 8 сентября 1830 г. В ней поэт словно отметил границу между тяготящим его прошлым и неизвестным будущим и тут же соединил их под знаками мысли, страдания, творчества и любви:

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино, – печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнующее море.

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и тревоженья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть – на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

Вскоре был завершён и *ЕО*: 18 сентября Пушкин закончил «Путешествие Онегина», а 25 сентября 1830 г. – последнюю главу.

С Онегиным автор расстался «вдруг», оставив читателей теряться в догадках, куда теперь направится его «неисправленный чудак» и что будет с его любимой героиней. Пока Пушкин был жив, многие надеялись, что роман будет продолжен. После того как он был издан целиком (1833), друзья уговаривали поэта продолжать *ЕО* хотя бы из коммерческих соображений. Пушкин отнесся к этому с пониманием:

...ы мне советуете, други,
Рассказ забытый продолжать.
Вы говорите справедливо,

⁴⁶ Здесь «Повести Белкина» перечислены в порядке их написания; в печатном сборнике (1831) Пушкин расположил их в другой последовательности.

Что странно, даже неучтиво
 Роман не конча перервать,
 Отдав уже его в печать,
 Что должно своего героя
 Как бы то ни было женить,
 По крайней мере уморить,
 И лица прочие пристроя,
 Отдав им дружеский поклон,
 Из лабиринта вывести вон...

(«В мои осенние досуги...», 1835)

Советам друзей Пушкин все же не внял и так и оставил своих героев среди «лабиринта». Татьяна высказалась и ушла, Онегин стоит, пораженный услышанным, показывается муж Татьяны, и автор прощается с ними «навсегда» (8, XLVIII). Положение Онегина отчасти глупое и смешное, отчасти скандальное и опасное, но в любом случае какое-то безысходное. Дело не в том, как посмотрит на него муж Татьяны, а в полной растерянности Онегина, узнавшего, что она по-прежнему любит его, но что теперь для нее это почему-то не главное. Сам он, может быть, впервые полюбил по-настоящему, обрел в этой любви единственную ценность и смысл своей жизни, увидел в ней возможность для себя возродиться и начать все заново. Он забрасывал Татьяну письмами (в романе приведено только первое из них), страстно добиваясь ее ответа, вверялся ее воле, умоляя о прощении и сочувствии, прорвался к ней в неурочный час, застал врасплох и вроде бы получил все, чего хотел: Татьяна ответила и призналась, что не держит на него зла и не переставала его любить, но теперь в ее жизни Онегину просто нет места. Он как будто увидел Татьяну на сияющей неприступной вершине, а себя – «чувства мелкого рабом» (8, XLV). Любовная страсть Онегина, безрассудная и безответственная, оказалась такой же «ошибкой», как прежнее его философское равнодушие. Энтузиазм обновленного Онегина, бросающегося к ногам замужней Татьяны, явился таким же несправедливым и преступным, как холодный скептицизм убийцы Ленского, и получил достойный отпор.

Открытый финал приглашает читателей к участию в судьбе героев, будит воображение. Таким финалом Пушкин показывает, что жизнь еще может преподнести сюрпризы, что любая точка, поставленная в «романе жизни», в сущности, произвольна и склоняет нас к согласию с тем, что будущее благоразумно скрыто от человека. Однако для будущего Онегина такая концовка оставляет не так уж много вариантов (в отличие от Татьяны, хотя при поверхностном взгляде ее судьба как раз может показаться более предсказуемой). В финале Онегин разоблачен и повержен. Жизнь его не закончилась, но и продолжаться по-прежнему она уже не может. Онегин должен погибнуть или спастись – погибнуть физически, потому что морально он уже уничтожен, или переродиться нравственно, подняться над самим собой, в чем помочь ему может, наверное, только чудо, только помощь свыше. Всякий другой вариант, нейтральный по отношению к темам возмездия и спасительного чуда, удостоверил бы идею о бессмысленности и бесцельности человеческого существования, противореча жизнеутверждающему пафосу романа и наводя на читателей тоску и безразличие к жизни (вроде онегинской хандры в первой главе)⁴⁷. Пушкину осенью 1830 г. эта идея была не просто чужда, но и враждебна: ее он и опровергал в своих болдинских сочинениях, представляя жизнь человека исполненной

⁴⁷ В таком ключе, то есть, в общем-то, довольно превратно и уныло, финал ЕО истолковал В.Г. Белинский: «Что стало с Онегиным потом? Воскресила ли его страсть для нового, более сообразного с человеческим достоинством страдания? Или убила она все силы души его, и безотрадная тоска его обратилась в мертвую, холодную апатию? – Не знаем, да и на что нам знать это, когда мы знаем, что силы этой богатой природы остались без приложения, жизнь без смысла, а роман без конца? Довольно и этого знать, чтобы не захотеть больше ничего знать... («Сочинения Александра Пушкина. Статья восьмая», 1844).

глубокого смысла в свете высших ценностей и высшей справедливости, которая несводима к человеческим понятиям и не всегда поддается рациональному объяснению.

«Все говорят: нет правды на земле. / Но правды нет – и выше. Для меня / Так это ясно, как простая гамма... – с этого утверждения начинается трагедия «Моцарт и Сальери», в которой оно как раз и опровергнуто: «правды» не оказалось в произнесшем эти слова Сальери, завистнике и отравителе гения, думавшем поправить мнимую несправедливость небес. В героях этой трагедии неузнаваемы, конечно, Онегин и Ленский, но в ней тоже презирующий жизнь сухой рационалист (Сальери) убивает своего вдохновенного и доверчивого друга (Моцарта), а в конце поражен ужасом от мысли, что совершил «ошибку».

Из двух вариантов будущего, оставленных Онегину в открытом финале романа, – погибнуть или чудесным образом возродиться к новой жизни – первый как будто кажется более закономерным. Действительно, словно версией финала *ЕО*, только «в фантастическом свете», выглядит последняя сцена трагедии «Каменный гость»: знаменитый соблазнитель Дон Гуан, впервые страстно и безоглядно кого-то полюбивший, уверяет Донну Анну, что от любви к ней «весь переродился» («Вас люблю, люблю я добродетель...»), раскаивается и преклоняет колени, но тут появляется статуя Командора, ее покойного мужа, и Дон Гуан вместе со статуей «проваливаются» (в ад, разумеется)⁴⁸.

Подобное возмездие могло постигнуть и Онегина (он мог, например, пасть на дуэли с мужем Татьяны). Но, в отличие от Дон Гуана, для него был возможен и какой-то иной, невероятно счастливый исход из романного «лабиринта», подобный финалам «Повестей Белкина», в особенности тех, что заканчиваются любовными объяснениями, – «Барышня-крестьянка» и «Метель».

В первой забавная интрига, которую вела переодевавшаяся в крестьянку барышня, завершается тем, что заблуждавшийся юный герой застаёт ее со своим письмом в руках и со счастливыми восклицаниями целует ей руки. «Читатели избавят меня от излишней обязанности описывать развязку», – так Пушкин заканчивает эту повесть (здесь, в отличие от *ЕО*, дальнейшее вполне очевидно).

В «Метели» непреодолимая преграда между влюбленными исчезает, как сон, и оказывается, что они – потерявшие когда-то друг друга муж и жена:

– Боже мой, Боже мой! – сказала Марья Гавриловна, схватив его руку; –
так это были вы! И вы не узнаете меня?
Бурмин побледнел... и бросился к ее ногам...

В рукописи «Метели», рядом с этими заключительными строками, Пушкин сделал пометку: «19 октября сожжена X песнь». Считается, что он имел в виду так называемую «десятую главу» *ЕО*, где речь идет о декабристах. Ее отдельные строфы (начальные четверостишия) сохранились в зашифрованном виде. Возможно, эти строфы предназначались для главы о путешествии Онегина (до второй встречи с Татьяной), не исключено, что вообще не относятся к роману (имен героев в них нет), а возможно, это действительно фрагменты его продолжения, рассказа о дальнейшей судьбе Онегина. Есть свидетельство современника, что Пушкин во время своего кавказского путешествия в 1829 г. рассказывал о замысле, по которому «Онегин должен был или погибнуть на Кавказе, или попасть в число декабристов»⁴⁹. Этот замысел можно понять как намерение показать возрождение Онегина для новой жизни, но тут же ее

⁴⁸ Анна Ахматова, посвятившая «Каменному гостю» особую статью (1958), в другой работе заметила, что Дон Гуан похож на Онегина 8-й главы и оба они похожи на Пушкина накануне его женитьбы. «Чем кончился «Онегин»? – Тем, что Пушкин женился. Женатый Пушкин еще мог написать письмо Онегина, но продолжать роман не мог» (Ахматова А. Болдинская осень (8-я глава «Онегина») // Ахматова А. О Пушкине: Статьи и заметки. Л., 1977. С. 188).

⁴⁹ Юзефович М.В. Памяти Пушкина // Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. 3-е изд., доп. СПб., 1998. Т. 2. С. 113.

оборвать (что-то вроде отсроченного, но неминуемого возмездия). Как бы то ни было, осенью 1830 г. Пушкин от этого замысла отказался, и роман получил открытый финал, позволяющий читателям фантазировать, а исследователям – выдвигать гипотезы.

Что касается Татьяны, то ее возможное будущее отразилось в другом болдинском сочинении – поэме «Домик в Коломне». Это первое произведение Пушкина, написанное октавами, твердой строфической формой итальянской поэзии (о «Торкватовых октавах» и Италии шла речь в первой главе *EO* – строфы XLVIII–XLIX). Сюжет этой шуточной поэмы никак не касается Татьяны, но в ней есть печальное авторское отступление о некоей гордой петербургской графине, заставляющее вспомнить о Татьяне восьмой главы – втайне несчастной «равнодушной княгине»:

...рафиня...(звали как, не помню, право)
Она была богата, молода;
Входила в церковь с шумом, величаво;
Молилась гордо (где была горда!).
Бывало, грешен! всё гляжу направо,
Всё на нее...

<...>

Она казалась хладный идеал
Тщеславия. Его б вы в ней узнали;
Но сквозь надменность эту я читал
Иную повесть: долгие печали,
Смиренье жалоб...В них-то я вникал,
Невольный взор они-то привлекали...
Но это знать графиня не могла
И, верно, в список жертв меня внесла.

Она страдала, хоть была прекрасна
И молода, хоть жизнь ее текла
В роскошной неге; хоть была подвластна
Фортуна ей; хоть мода ей несла
Свой фимиам, – она была несчастна...

(строфы XXI, XXIII–XXIV)

«Звали как, не помню, право», – эти слова кажутся отсылкой к роману в стихах: «Итак, она звалась Татьяной» (2, XXV). «...ладный идеал / Тщеславия» – как тут не вспомнить преобразования сельской мечтательницы в блистательную «законодательницу зал», скрывающую свои истинные чувства от света и под конец награждаемую от автора титулами «верный идеал», «милый идеал» (8, L, LI)?

Графиня из «Домика в Коломне», конечно, не единственно возможный, хоть и вероятный образ будущего Татьяны. Не раз, например, высказывалось предположение, что ее, а вовсе не Онегина Пушкин думал всерьез приобщить к кругу декабристов: ее муж мог оказаться среди них, а она как жена декабриста – отправиться за ним в Сибирь. Явить пример верности и самопожертвования – это вполне могла бы совершить Татьяна, «верный идеал» автора. Однако Пушкину это было уже не нужно: подняв Татьяну на пьедестал, бросив к ее ногам Онегина и дав ей высказаться, он довел роман до конца. Вновь доказывать ее верность и нравственное превосходство над заглавным героем, и так уже очевидное для читателей, не было никакой

необходимости. Свою любимую героиню Пушкин оставил в минуту ее торжества, как Онегина – «в минуту, злую для него».

Открытость финала, кроме всего прочего, смягчает его грустный характер и позволяет надеяться на лучшее будущее для Онегина и Татьяны. Автор, за переменами в жизни и настроениях которого в романе можно было следить почти так же, как за его героями, в конце прощается с читателями, и будущее его для них остается неизвестным. Мы знаем, как сложилась судьба Пушкина, который не зря испытывал тревожные предчувствия перед своей женитьбой (она состоялась 18 февраля 1831 г. в Москве). Однако в романе в стихах эта судьба так и осталась неопределенной, подобно будущему Онегина. Осталась предметом тревог и надежд, то есть тем, чем она была для Пушкина 25 сентября 1830 г., когда он поставил точку после слов: «Как я с Онегиным моим».

В.Л. Коровин

Евгений Онегин Роман в стихах

Pétri de vanité il avait encore plus de cette espèce d'orgueil qui fait avouer avec la même indifférence les bonnes comme les mauvaises actions, suite d'un sentiment de supériorité, peut-être imaginaire.

Tiré d'une lettre particulière⁵⁰

Не мысля гордый свет забавить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Хотел бы я тебе представить
Залог достойнее тебя,
Достойнее души прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Поэзии живой и ясной,
Высоких дум и простоты;
Но так и быть – рукой пристрастной
Прими собранье пестрых глав,
Полусмешных, полупечальных,
Простонародных, идеальных,
Небрежный плод моих забав,
Бессонниц, легких вдохновений,
Незрелых и увядших лет,
Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет.

⁵⁰ Проникнутый тщеславием, он обладал сверх того еще особенной гордостью, которая побуждает признаваться с одинаковым равнодушием как в своих добрых, так и дурных поступках, – вследствие чувства превосходства, быть может, мнимого. Из частного письма (франц.)

Глава первая

И жить торопится, и чувствовать спешит.

К. Вяземский

I

«Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог.
Его пример другим наука;
Но, боже мой, какая скука
С больным сидеть и день и ночь,
Не отходя ни шагу прочь!
Какое низкое коварство
Полуживого забавлять,
Ему подушки поправлять,
Печально подносить лекарство,
Вздыхать и думать про себя:
Когда же черт возьмет тебя!»

II

Так думал молодой повеса,
Летя в пыли на почтовых,
Всевышней волею Зевеса
Наследник всех своих родных.
Друзья Людмилы и Руслана!
С героем моего романа
Без предисловий, сей же час
Позвольте познакомить вас:
Онегин, добрый мой приятель,
Родился на берегах Невы,
Где, может быть, родились вы
Или блистали, мой читатель;
Там некогда гулял и я:
Но вреден север для меня⁵¹.

⁵¹ Писано в Бессарабии.

III

Служив отлично-благородно,
Долгами жил его отец,
Давал три бала ежегодно
И промотался наконец.
Судьба Евгения хранила:
Сперва *Madame* за ним ходила,
Потом *Monsieur* ее сменил.
Ребенок был резов, но мил.
Monsieur l'Abbé, француз убогой,
Чтоб не измучилось дитя,
Учил его всему шутя,
Не докучал моралью строгой,
Слегка за шалости бранил
И в Летний сад гулять водил.

IV

Когда же юности мятежной
Пришла Евгению пора,
Пора надежд и грусти нежной,
Monsieur прогнали со двора.
Вот мой Онегин на свободе;
Острижен по последней моде;
Как *dandy*⁵² лондонский одет —
И наконец увидел свет.
Он по-французски совершенно
Мог изъясняться и писал;
Легко мазурку танцевал
И кланялся непринужденно;
Чего ж вам больше? Свет решил,
Что он умен и очень мил.

V

Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь,
Так воспитаньем, слава богу,
У нас немудрено блеснуть.

⁵² Dandy, франт.

Онегин был, по мнению многих
(Судей решительных и строгих),
Ученый малый, но педант,
Имел он счастливый талант
Без принужденья в разговоре
Коснуться до всего слегка,
С ученым видом знатока
Хранить молчанье в важном споре
И возбуждать улыбку дам
Огнем нежданных эпиграмм.

VI

Латынь из моды вышла ныне:
Так, если правду вам сказать,
Он знал довольно по-латыни,
Чтоб эпиграфы разбирать,
Потолковать об Ювенале,
В конце письма поставить *vale*⁵³,
Да помнил, хоть не без греха,
Из Энеиды два стиха.
Он рыться не имел охоты
В хронологической пыли
Бытописания земли;
Но дней минувших анекдоты
От Ромула до наших дней
Хранил он в памяти своей.

VII

Высокой страсти не имея
Для звуков жизни не щадить,
Не мог он ямба от хорея,
Как мы ни бились, отличить.
Бранил Гомера, Феокрита;
Зато читал Адама Смита
И был глубокий эконом,
То есть умел судить о том,
Как государство богатеет,
И чем живет, и почему
Не нужно золота ему,
Когда *простой продукт* имеет.

⁵³ Будь здоров (*лат.*).

Отец понять его не мог
И земли отдавал в залог.

VIII

Всего, что знал еще Евгений,
Пересказать мне недосуг;
Но в чем он истинный был гений,
Что знал он тверже всех наук,
Что было для него измлада
И труд, и мука, и отрада,
Что занимало целый день
Его тоскующую лень, —
Была наука страсти нежной,
Которую воспел Назон,
За что страдальцем кончил он
Свой век блестящий и мятежный
В Молдавии, в глуши степей,
Вдали Италии своей.

IX

...
...
...

X

Как рано мог он лицемерить,
Таить надежду, ревновать,
Разуверять, заставить верить,
Казаться мрачным, изнывать,
Являться гордым и послушным,
Внимательным иль равнодушным!
Как томно был он молчалив,
Как пламенно красноречив,
В сердечных письмах как небрежен!
Одним дыша, одно любя,
Как он умел забыть себя!
Как взор его был быстр и нежен,
Стыдлив и дерзок, а порой
Блистал послушною слезой!

XI

Как он умел казаться новым,
Шутя невинность изумлять,
Пугать отчаяньем готовым,
Приятной лестью забавлять,
Ловить минуту умиления,
Невинных лет предубежденья
Умом и страстью побеждать,
Невольной ласки ожидать,
Молить и требовать признанья,
Подслушать сердца первый звук,
Преследовать любовь, и вдруг
Добиться тайного свиданья...
И после ей наедине
Давать уроки в тишине!

XII

Как рано мог уж он тревожить
Сердца кокеток записных!
Когда ж хотелось уничтожить
Ему соперников своих,
Как он язвительно злословил!
Какие сети им готовил!
Но вы, блаженные мужья,
С ним оставались вы друзья:
Его ласкал супруг лукавый,
Фобласа давний ученик,
И недоверчивый старик,
И рогоносец величавый,
Всегда довольный сам собой,
Своим обедом и женой.

XIII. XIV

...
...
...
...

XV

Бывало, он еще в постеле:
К нему записочки несут.
Что? Приглашенья? В самом деле,
Три дома на вечер зовут:
Там будет бал, там детский праздник.
Куда ж поскачет мой проказник?
С кого начнет он? Всё равно:
Везде поспеть немудрено.
Покамест в утреннем уборе,
Надев широкий *боливар*⁵⁴,
Онегин едет на бульвар
И там гуляет на просторе,
Пока недремлющий брегет
Не прозвонит ему обед.

XVI

Уж тёмно: в санки он садится.
«Пади, пади!» – раздался крик;
Морозной пылью серебрится
Его бобровый воротник.
К *Talon*⁵⁵ помчался: он уверен,
Что там уж ждет его Каверин.
Вошел: и пробка в потолок,
Вина кометы брызнул ток,
Пред ним *roast-beef* окровавленный,
И трюфли, роскошь юных лет,
Французской кухни лучший цвет,
И Стразбурга пирог нетленный
Меж сыром лимбургским живым
И ананасом золотым.

XVII

Еще бокалов жажда просит
Залить горячий жир котлет,
Но звон брегета им доносит,

⁵⁴ Шляпа à la Bolívar.

⁵⁵ Известный ресторатор.

Что новый начался балет.
Театра злой законодатель,
Непостоянный обожатель
Очаровательных актрис,
Почетный гражданин кулис,
Онегин полетел к театру,
Где каждый, вольностью дыша,
Готов охлопать *entrechat*,
Обшикать Федру, Клеопатру,
Моину вызвать (для того,
Чтоб только слышали его).

XVIII

Волшебный край! там в стары годы,
Сатиры смелый властелин,
Блистал Фонвизин, друг свободы,
И переимчивый Княжнин;
Там Озеров невольны дани
Народных слез, рукоплесканий
С молодой Семеновой делил;
Там наш Катенин воскресил
Корнеля гений величавый;
Там вывел колкий Шаховской
Своих комедий шумный рой,
Там и Дидло венчался славой,
Там, там под сению кулис
Младые дни мои неслись.

XIX

Мои богини! что вы? где вы?
Внемлите мой печальный глас:
Всё те же ль вы? другие ль девы,
Сменив, не заменили вас?
Услышу ль вновь я ваши хоры?
Узрю ли русской Терпсихоры
Душой исполненный полет?
Иль взор унылый не найдет
Знакомых лиц на сцене скучной,
И, устремив на чуждый свет
Разочарованный лорнет,
Веселья зритель равнодушный,
Безмолвно буду я зевать
И о былом вспоминать?

XX

Театр уж полон; ложи блещут;
Партер и кресла, всё кипит;
В райке нетерпеливо плещут,
И, взвившись, занавес шумит.
Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимф окружена,
Стоит Истомина; она,
Одной ногой касаясь пола,
Другую медленно кружит,
И вдруг прыжок, и вдруг летит,
Летит, как пух от уст Эола;
То стан совет, то разовьет,
И быстрой ножкой ножку бьет⁵⁶.

XXI

Всё хлопает. Онегин входит,
Идет меж кресел по ногам,
Двойной лорнет скосясь наводит
На ложи незнакомых дам;
Все ярусы окинул взором,
Всё видел: лицами, убором
Ужасно недоволен он;
С мужчинами со всех сторон
Раскланялся, потом на сцену
В большом рассеянье взглянул,
Отворотился – и зевнул,
И молвил: «Всех пора на смену;
Балеты долго я терпел,
Но и Дидло мне надоел».

XXII

Еще амуры, черти, змеи
На сцене скачут и шумят;

⁵⁶ Черта охлажденного чувства, достойная Чайльд-Гарольда. Балеты г. Дидло исполнены живости воображения и прелести необыкновенной. Один из наших романтических писателей находил в них гораздо более поэзии, нежели во всей французской литературе.

Еще усталые лакеи
На шубах у подъезда спят;
Еще не перестали топтать,
Сморкаться, кашлять, шикать, хлопать;
Еще снаружи и внутри
Везде блистают фонари;
Еще, прозябнув, бьются кони,
Наскуча упряжью своей,
И кучера, вокруг огней,
Бранят господ и бьют в ладони:
А уж Онегин вышел вон;
Домой одеться едет он.

XXIII

Изобразу ль в картине верной
Уединенный кабинет,
Где мод воспитанник примерный
Одет, раздет и вновь одет?
Всё, чем для прихоти обильной
Торгует Лондон щепетильный
И по Балгическим волнам
За лес и сало возит нам,
Всё, что в Париже вкус голодный,
Полезный промысел избрав,
Изобретает для забав,
Для роскоши, для неги модной, —
Всё украшало кабинет
Философа в осьмнадцать лет.

XXIV

Янтарь на трубках Цареграда,
Фарфор и бронза на столе,
И, чувств изнеженных отрада,
Духи в граненом хрустале;
Гребенки, пилочки стальные,
Прямые ножницы, кривые,
И щетки тридцати родов
И для ногтей и для зубов.
Руссо (замечу мимоходом)
Не мог понять, как важный Грим
Смел чистить ногти перед ним,

Красноречивым сумасбродом⁵⁷.
Защитник вольности и прав
В сем случае совсем не прав.

XXV

Быть можно дельным человеком
И думать о красе ногтей:
К чему бесплодно спорить с веком?
Обычай деспот меж людей.
Второй Чадаев, мой Евгений,
Боясь ревнивых осуждений,
В своей одежде был педант
И то, что мы назвали франт.
Он три часа по крайней мере
Пред зеркалами проводил
И из уборной выходил
Подобный ветреной Венере,
Когда, надев мужской наряд,
Богиня едет в маскарад.

XXVI

В последнем вкусе туалетом
Заняв ваш любопытный взгляд,
Я мог бы пред ученым светом
Здесь описать его наряд;
Конечно б это было смело,
Описывать мое же дело:
Но *панталоны, фрак, жилет*,
Всех этих слов на русском нет;
А вижу я, винюсь пред вами,
Что уж и так мой бедный слог
Пестреть гораздо б меньше мог
Иноплеменными словами,
Хоть и заглядывал я встарь

⁵⁷ Tout le monde sut qu'il mettait du blanc; et moi, qui n'en croyais rien, je commençais de le croire, non seulement par l'embellissement de son teint et pour avoir trouvé des tasses de blanc sur sa toilette, mais sur ce qu'entrant un matin dans sa chambre, je le trouvai brossant ses ongles avec une petite vergette faite exprès, ouvrage qu'il continua fièrement devant moi. Je jugeai qu'un homme qui passe deux heures tous les matins à brosser ses ongles, peut bien passer quelques instants à remplir de blanc les creux de sa peau. (*Confessions J. J. Rousseau**) Грим опередил свой век: ныне во всей просвещенной Европе чистят ногти особенной щеточкой.* Все знали, что он употребляет белила; и я, совершенно этому не веривший, начал догадываться о том не только по улучшению цвета его лица или потому, что находил баночки из-под белил на его туалете, но потому, что, зайдя однажды утром к нему в комнату, я застал его за чисткой ногтей при помощи специальной щеточки; это занятие он долго продолжал в моем присутствии. Я решил, что человек, который каждое утро проводит два часа за чисткой ногтей, может потратить несколько минут, чтобы замазать белилами недостатки кожи. «*Исповедь*» Ж. Ж. Руссо (франц.).

В Академический словарь.

XXVII

У нас теперь не то в предмете:
Мы лучше поспешим на бал,
Куда стремглав в ямской карете
Уж мой Онегин поскакал.
Перед померкшими домами
Вдоль сонной улицы рядами
Двойные фонари карет
Веселый изливают свет
И радуги на снег наводят;
Усеян площадками кругом,
Блестит великолепный дом;
По цельным окнам тени ходят,
Мелькают профили голов
И дам и модных чудаков.

XXVIII

Вот наш герой подъехал к сеням;
Швейцара мимо он стрелой
Взлетел по мраморным ступеням,
Расправил волоса рукой,
Вошел. Полна народу зала;
Музыка уж греметь устала;
Толпа мазуркой занята;
Кругом и шум и теснота;
Бренчат кавалергарда шпоры;
Летают ножки милых дам;
По их пленительным следам
Летают пламенные взоры,
И ревом скрыпок заглушен
Ревнивый шопот модных жен.

XXIX

Во дни веселий и желаний
Я был от балов без ума:
Верней нет места для признаний
И для вручения письма.

О вы, почтенные супруги!
Вам предложу свои услуги;
Прошу мою заметить речь:
Я вас хочу предостеречь.
Вы также, маменьки, построже
За дочерьми смотрите вслед:
Держите прямо свой лорнет!
Не то... не то, избави боже!
Я это потому пишу,
Что уж давно я не грешу.

XXX

Увы, на разные забавы
Я много жизни погубил!
Но если б не страдали нравы,
Я балы б до сих пор любил.
Люблю я бешеную младость,
И тесноту, и блеск, и радость,
И дам обдуманый наряд;
Люблю их ножки; только вряд
Найдете вы в России целой
Три пары стройных женских ног.
Ах! долго я забыть не мог
Две ножки... Грустный, охладельный,
Я всё их помню, и во сне
Они тревожат сердце мне.

XXXI

Когда ж и где, в какой пустыне,
Безумец, их забудешь ты?
Ах, ножки, ножки! где вы ныне?
Где мнете вешние цветы?
Взлелеяны в восточной неге,
На северном, печальном снеге
Вы не оставили следов:
Любили мягких вы ковров
Роскошное прикосновенье.
Давно ль для вас я забывал
И жажду славы и похвал,
И край отцов, и заточенье?
Исчезло счастье юных лет —
Как на лугах ваш легкий след.

XXXII

Дианы грудь, ланиты Флоры
Прелестны, милые друзья!
Однако ножка Терпсихоры
Прелестней чем-то для меня.
Она, пророчествуя взгляду
Неоценимую награду,
Влечет условною красой
Желаний своевольный рой.
Люблю ее, мой друг Эльвина,
Под длинной скатертью столов,
Весной на мураве лугов,
Зимой на чугуне камина,
На зёркальном паркете зал,
У моря на граните скал.

XXXIII

Я помню море пред грозою:
Как я завидовал волнам,
Бегущим бурной чередою
С любовью лечь к ее ногам!
Как я желал тогда с волнами
Коснуться милых ног устами!
Нет, никогда среди пылких дней
Кипящей младости моей
Я не желал с таким мученьем
Лобзать уста молодых Армид,
Иль розы пламенных ланит,
Иль перси, полные томленьем;
Нет, никогда порыв страстей
Так не терзал души моей!

XXXIV

Мне памятно другое время!
В заветных иногда мечтах
Держу я счастливое стремя...
И ножку чувствую в руках;
Опять кипит воображенье,
Опять ее прикосновенье

Зажгло в увядшем сердце кровь,
Опять тоска, опять любовь!..
Но полно прославлять надменных
Болтливой лирою своей;
Они не стоят ни страстей,
Ни песен, ими вдохновенных:
Слова и взор волшебниц сих
Обманчивы... как ножки их.

XXXV

Что ж мой Онегин? Полусонный
В постелю с бала едет он:
А Петербург неугомонный
Уж барабаном пробужден.
Встает купец, идет разносчик,
На биржу тянется извозчик,
С кувшином охтинка спешит,
Под ней снег утренний хрустит.
Проснулся утра шум приятный.
Открыты ставни; трубный дым
Столбом восходит голубым,
И хлебник, немец аккуратный,
В бумажном колпаке, не раз
Уж отворял свой *васисдас*.

XXXVI

Но, шумом бала утомленный
И утро в полночь обратя,
Спокойно спит в тени блаженной
Забав и роскоши дитя.
Проснется за полдень, и снова
До утра жизнь его готова,
Однообразна и пестра.
И завтра то же, что вчера.
Но был ли счастлив мой Евгений,
Свободный, в цвете лучших лет,
Среди блистательных побед,
Среди вседневных наслаждений?
Вотще ли был он средь пиров
Неосторожен и здоров?

XXXVII

Нет: рано чувства в нем остыли;
Ему наскучил света шум;
Красавицы не долго были
Предмет его привычных дум;
Измены утомить успели;
Друзья и дружба надоели,
Затем, что не всегда же мог
Beef-steaks и страсбургский пирог
Шампанской обливать бутылкой
И сыпать острые слова,
Когда болела голова;
И хоть он был повеса пылкой,
Но разлюбил он наконец
И брань, и саблю, и свинец.

XXXVIII

Недуг, которого причину
Давно бы отыскать пора,
Подобный английскому *сплину*,
Короче: русская *хандра*
Им овладела понемногу;
Он застрелиться, слава богу,
Попробовать не захотел,
Но к жизни вовсе охладел.
Как *Child-Harold*, угрюмый, томный
В гостиных появлялся он;
Ни сплетни света, ни бостон,
Ни милый взгляд, ни вздох нескромный,
Ничто не трогало его,
Не замечал он ничего.

XXXIX. XL. XLI

...
...
...

XLII

Причудницы большого света!
Всех прежде вас оставил он;
И правда то, что в наши лета
Довольно скучен высший тон;
Хоть, может быть, иная дама
Толкует Сея и Бентама,
Но вообще их разговор
Несносный, хоть невинный вздор;
К тому ж они так непорочны,
Так величавы, так умны,
Так благочестия полны,
Так осмотрительны, так точны,
Так неприступны для мужчин,
Что вид их уж рождает *сплин*⁵⁸.

XLIII

И вы, красотки молодые,
Которых позднею порой
Уносят дрожки удалые
По петербургской мостовой,
И вас покинул мой Евгений.
Отступник бурных наслаждений,
Онегин дома заперся,
Зевая, за перо взялся,
Хотел писать – но труд упорный
Ему был тошен; ничего
Не вышло из пера его,
И не попал он в цех задорный
Людей, о коих не сужу,
Затем, что к ним принадлежу.

XLIV

И снова, преданный безделью,
Томясь душевной пустотой,
Уселся он – с похвальной целью

⁵⁸ Вся сия ироническая строфа не что иное, как тонкая похвала прекрасным нашим соотечественницам. Так Буало, под видом укоризны, хвалит Лудовика XIV. Наши дамы соединяют просвещение с любезностию и строгую чистоту нравов с этою восточною прелестью, столь пленившею г-жу Сталь. (См. Dix anné es d'exil*).* «Десять лет изгнания» (*франц.*).

Себе присвоить ум чужой;
Отрядом книг уставил полку,
Читал, читал, а всё без толку:
Там скука, там обман иль бред;
В том совести, в том смысла нет;
На всех различные вериги;
И устарела старина,
И старым бредит новизна.
Как женщин, он оставил книги,
И полку, с пыльной их семьей,
Задержнул траурной тафтой.

XLV

Условий света свергнув бремя,
Как он, отстав от суеты,
С ним подружился я в то время.
Мне нравились его черты,
Мечтам невольная преданность,
Неподражательная странность
И резкий, охлажденный ум.
Я был озлоблен, он угрюм;
Страстей игру мы знали оба:
Томила жизнь обоих нас;
В обоих сердца жар угас;
Обоих ожидала злоба
Слепой Фортуны и людей
На самом утре наших дней.

XLVI

Кто жил и мыслил, тот не может
В душе не презирать людей;
Кто чувствовал, того тревожит
Призра́к невозвратимых дней:
Тому уж нет очарований.
Того змия воспоминаний,
Того раскаянье грызет.
Всё это часто придает
Большую прелесть разговору.
Сперва Онегина язык
Меня смущал; но я привык
К его язвительному спору,
И к шутке с желчью пополам,
И злости мрачных эпиграмм.

XLVII

Как часто летнею порою,
Когда прозрачно и светло
Ночное небо над Невою⁵⁹
И вод веселое стекло
Не отражает лик Дианы,
Вспомня прежних лет романы,
Вспомня прежнюю любовь,
Чувствительны, беспечны вновь,
Дыханьем ночи благосклонной
Безмолвно упивались мы!
Как в лес зеленый из тюрьмы
Перенесен колодник сонный,
Так уносились мы мечтой
К началу жизни молодой.

XLVIII

С душою, полной сожалений,
И опершись на гранит,
Стоял задумчиво Евгений,
Как описал себя Пиит⁶⁰.
Всё было тихо; лишь ночные
Перекликались часовые,
Да дрожек отдаленный стук
С Мильонной раздавался вдруг;
Лишь лодка, веслами махая,
Плыла по дремлющей реке:
И нас пленяли вдалеке
Рожок и песня удалая...
Но слаще, средь ночных забав,

⁵⁹ Читатели помнят прелестное описание петербургской ночи в идиллии Гнедича: «Вот ночь; но не меркнут златистые полосы облак. Без звезд и без месяца вся озаряется дальность. На взморье далеко сребристые видны ветрила Чуть видных судов, как по синему небу плывущих. Сияньем бессумрачным небо ночное сияет, И пурпур заката сливается с золотом востока; Как будто денница за вечером следом выводит Румяное утро. – Была то година золотая, Как летние дни похищают владычество ночи; Как взор иноземца на северном небе пленяет Слиянье волшебное тени и сладкого света, Каким никогда не украшено небо полудня; Та ясность, подобная прелестям северной девы, Которой глаза голубые и алые щеки Едва оттеняются русыми локонами волнами, Тогда над Невой и над пышным Петрополем видят Без сумрака вечер и быстрые ночи без тени; Тогда Филомела полночные песни лишь кончит И песни заводит, приветствуя день восходящий. Но поздно; повеяла свежесть на невские тундры; Роса опустилась; ... Вот полночь: шумевшая вечером тысячью весел, Нева не колыхнет; разъехались гости градские; Ни гласа на бреге, ни зыби на влаге, всё тихо; Лишь изредка гул от мостов пробежит над водою; Лишь крик протяженный из дальней прочмится деревни, Где в ночь окликается ратная стража со стражей. Всё спит...

⁶⁰ Въявь богиню благосклонну Зрит восторженный пиит, Что проводит ночь бессонну, Опершись на гранит. (Муравьев. Богине Невы)

Напев Торкватовых октав!

XLIX

Адриатические волны,
О Брента! нет, увижу вас
И, вдохновенья снова полный,
Услышу ваш волшебный глас!
Он свят для внуков Аполлона;
По гордой лире Альбиона
Он мне знаком, он мне родной.
Ночей Италии златой
Я негой наслажусь на воле,
С венецианкою младой,
То говорливой, то немой,
Плывя в таинственной гондоле;
С ней обретут уста мои
Язык Петрарки и любви.

L

Придет ли час моей свободы?
Пора, пора! – взываю к ней;
Брожу над морем⁶¹, жду погоды,
Маню ветрила кораблей.
Под ризой бурь, с волнами споря,
По вольному распутию моря
Когда ж начну я вольный бег?
Пора покинуть скучный брег
Мне неприязненной стихии,
И средь полуденных зыбей,
Под небом Африки моей⁶²,
Вздыхать о сумрачной России,
Где я страдал, где я любил,
Где сердце я похоронил.

LI

Онегин был готов со мною

⁶¹ Писано в Одессе.

⁶² См. первое издание Евгения Онегина.

Увидеть чуждые страны;
Но скоро были мы судьбою
На долгий срок разведены.
Отец его тогда скончался.
Перед Онегиным собрался
Заимодавцев жадный полк.
У каждого свой ум и толк:
Евгений, тяжбы ненавидя,
Довольный жребием своим,
Наследство предоставил им,
Большой потери в том не видя
Иль предузнав издалика
Кончину дяди-старика.

ЛII

Вдруг получил он в самом деле
От управителя доклад,
Что дядя при смерти в постеле
И с ним проститься был бы рад.
Прочтя печальное посланье,
Евгений тотчас на свиданье
Стремглав по почте поскакал
И уж заранее зевал,
Приготовляясь, денег ради,
На вздохи, скуку и обман
(И тем я начал мой роман);
Но, прилетев в деревню дяди,
Его нашел уж на столе,
Как дань готовую земле.

ЛIII

Нашел он полон двор услуги;
К покойнику со всех сторон
Съезжались недруги и други,
Охотники до похорон.
Покойника похоронили.
Попы и гости ели, пили
И после важно разошлись,
Как будто делом занялись.
Вот наш Онегин сельский житель,
Заводов, вод, лесов, земель
Хозяин полный, а досель
Порядка враг и расточитель,

И очень рад, что прежний путь
Переменил на что-нибудь.

LIV

Два дня ему казались новы
Уединенные поля,
Прохлада сумрачной дубровы,
Журчанье тихого ручья;
На третий роща, холм и поле
Его не занимали боле;
Потом уж наводили сон;
Потом увидел ясно он,
Что и в деревне скука та же,
Хоть нет ни улиц, ни дворцов,
Ни карт, ни балов, ни стихов.
Хандра ждала его на страже,
И бегала за ним она,
Как тень иль верная жена.

LV

Я был рожден для жизни мирной,
Для деревенской тишины:
В глуши звучнее голос лирный,
Живее творческие сны.
Досугам посвятяться невинным,
Брожу над озером пустынным,
И *far niente*⁶³ мой закон.
Я каждым утром пробужден
Для сладкой неги и свободы:
Читаю мало, долго сплю,
Летучей славы не ловлю.
Не так ли я в былые годы
Провел в бездействии, в тени
Мои счастливейшие дни?

LVI

Цветы, любовь, деревня, праздность,

⁶³ Безделье, праздность (*итал.*).

Поля! я предан вам душой.
Всегда я рад заметить разность
Между Онегиным и мной,
Чтобы насмешливый читатель
Или какой-нибудь издатель
Замысловатой клеветы,
Сличая здесь мои черты,
Не повторял потом безбожно,
Что намарал я свой портрет,
Как Байрон, гордости поэт,
Как будто нам уж невозможно
Писать поэмы о другом,
Как только о себе самом.

LVII

Замечу кстати: все поэты —
Любви мечтательной друзья.
Бывало, милые предметы
Мне снились, и душа моя
Их образ тайный сохранила;
Их после муза оживила:
Так я, беспечен, воспевал
И деву гор, мой идеал,
И пленниц берегов Салгира.
Теперь от вас, мои друзья,
Вопрос нередко слышу я:
«О ком твоя вздыхает лира?
Кому, в толпе ревнивых дев,
Ты посвятил ее напев?»

LVIII

Чей взор, волнуя вдохновенье,
Умильной лаской наградил
Твое задумчивое пенье?
Кого твой стих боготворил?»
И, други, никого, ей-богу!
Любви безумную тревогу
Я безотрадно испытал.
Блажен, кто с нею сочетал
Горячку рифм: он тем удвоил
Поэзии священный бред,
Петрарке шествуя вослед,
А муки сердца успокоил,

Поймал и славу между тем;
Но я, любя, был глуп и нем.

LIX

Прошла любовь, явилась муза,
И прояснился темный ум.
Свободен, вновь ищу союза
Волшебных звуков, чувств и дум;
Пишу, и сердце не тоскует,
Перо, забывшись, не рисует,
Близ неоконченных стихов,
Ни женских ножек, ни голов;
Погасший пепел уж не вспыхнет,
Я всё грущу; но слез уж нет,
И скоро, скоро бури след
В душе моей совсем утихнет:
Тогда-то я начну писать
Поэму песен в двадцать пять.

LX

Я думал уж о форме плана,
И как героя назову;
Покамест моего романа
Я кончил первую главу;
Пересмотрел всё это строго:
Противоречий очень много,
Но их исправить не хочу.
Цензуре долг свой заплачу,
И журналистам на съеденье
Плоды трудов моих отдам:
Иди же к невским берегам,
Новорожденное творенье,
И заслужи мне славы дань:
Кривые толки, шум и брань!

Глава вторая

O rus!
*Hor*⁶⁴
O Русь!

I

Деревня, где скучал Евгений,
Была прелестный уголок;
Там друг невинных наслаждений
Благословить бы небо мог.
Господский дом уединенный,
Горой от ветров огражденный,
Стоял над речкою. Вдали
Пред ним пестрели и цвели
Луга и нивы золотые,
Мелькали сёла; здесь и там
Стада бродили по лугам,
И сени расширял густые
Огромный, запущённый сад,
Приют задумчивых Дриад.

II

Почтенный замо́к был построен,
Как замки строиться должны:
Отменно прочен и спокоен
Во вкусе умной старины.
Везде высокие покои,
В гостиной штофные обои,
Царей портреты на стенах,
И печи в пестрых изразцах.
Всё это ныне обветшало,
Не знаю, право, почему;
Да, впрочем, другу моему
В том нужды было очень мало,
Затем что он равно зевал
Средь модных и старинных зал.

⁶⁴ О, деревня! Гораций (лат.).

III

Он в том покое поселился,
Где деревенский старожил
Лет сорок с ключницей бранился,
В окно смотрел и мух давил.
Всё было просто: пол дубовый,
Два шкафа, стол, диван пуховый,
Нигде ни пятнышка чернил.
Онегин шкафы отворил:
В одном нашел тетрадь расхода,
В другом наливки целый строй,
Кувшины с яблочной водой
И календарь осьмого года:
Старик, имея много дел,
В иные книги не глядел.

IV

Один среди своих владений,
Чтоб только время проводить,
Сперва задумал наш Евгений
Порядок новый учредить.
В своей глуши мудрец пустынный,
Ярем он барщины старинной
Оброком легким заменил;
И раб судьбу благословил.
Зато в углу своем надулся,
Увидя в этом страшный вред,
Его расчетливый сосед.
Другой лукаво улыбнулся,
И в голос все решили так,
Что он опаснейший чужак.

V

Сначала все к нему езжали;
Но так как с заднего крыльца
Обыкновенно подавали
Ему донского жеребца,
Лишь только вдоль большой дороги
Заслышит их домашни дроги, —

Поступком оскорбясь таким,
Все дружбу прекратили с ним.
«Сосед наш неуч, сумасбродит,
Он фармазон; он пьет одно
Стаканом красное вино;
Он дамам к ручке не подходит;
Всё да да *нет*; не скажет *да-с*
Иль *нет-с*». Таков был общий глас.

VI

В свою деревню в ту же пору
Помещик новый прискакал
И столь же строгому разбору
В соседстве повод подавал.
По имени Владимир Ленский,
С душою прямо геттингенской,
Красавец, в полном цвете лет,
Поклонник Канта и поэт.
Он из Германии туманной
Привез учености плоды:
Вольнолюбивые мечты,
Дух пылкий и довольно странный,
Всегда восторженную речь
И кудри черные до плеч.

VII

От хладного разврата света
Еще увянуть не успев,
Его душа была согрета
Приветом друга, лаской дев.
Он сердцем милый был невежда,
Его лелеяла надежда,
И мира новый блеск и шум
Еще пленяли юный ум.
Он забавлял мечтою сладкой
Сомненья сердца своего;
Цель жизни нашей для него
Была заманчивой загадкой,
Над ней он голову ломал
И чудеса подозревал.

VIII

Он верил, что душа родная
Соединиться с ним должна,
Что, безотрадно изнывая,
Его вседневно ждет она;
Он верил, что друзья готовы
За честь его приять оковы,
И что не дрогнет их рука
Разбить сосуд клеветника;
Что есть избранные судьбами,
Людей священные друзья;
Что их бессмертная семья
Неотразимыми лучами
Когда-нибудь нас озарит
И мир блаженством одарит.

IX

Негодование, сожаленье,
Ко благу чистая любовь
И славы сладкое мученье
В нем рано волновали кровь.
Он с лирой странствовал на свете;
Под небом Шиллера и Гете
Их поэтическим огнем
Душа воспламенилась в нем.
И муз возвышенных искусства,
Счастливец, он не постыдил;
Он в песнях гордо сохранил
Всегда возвышенные чувства,
Порывы девственной мечты
И прелесть важной простоты.

X

Он пел любовь, любви послушный,
И песнь его была ясна,
Как мысли девы простодушной,
Как сон младенца, как луна
В пустынях неба безмятежных,
Богиня тайн и вздохов нежных.

Он пел разлуку и печаль,
И *ничто*, и *туманну даль*,
И романтические розы;
Он пел те дальние страны,
Где долго в лоно тишины
Лились его живые слезы;
Он пел поблеклый жизни цвет
Без малого в восемнадцать лет.

XI

В пустыне, где один Евгений
Мог оценить его дары,
Господ соседственных селений
Ему не нравились пиры;
Бежал он их беседы шумной.
Их разговор благоразумный
О сенокосе, о вине,
О псарне, о своей родне,
Конечно, не блистал ни чувством,
Ни поэтическим огнем,
Ни острою, ни умом,
Ни общежития искусством;
Но разговор их милых жен
Гораздо меньше был умен.

XII

Богат, хорош собою, Ленский
Везде был принят как жених;
Таков обычай деревенский;
Все дочек прочили своих
За *полурусского соседа*;
Взойдет ли он, тотчас беседа
Заводит слово стороной
О скуке жизни холостой;
Зовут соседа к самовару,
А Дуня разливает чай,
Ей шепчут: «Дуня, примечай!»
Потом приносят и гитару:
И запищит она (бог мой!):
*Приди в чертог ко мне золотой!*⁶⁵

⁶⁵ Из первой части Днепровской русалки.

XIII

Но Ленский, не имев, конечно,
Охоты узы брака несть,
С Онегиным желал сердечно
Знакомство покороचे свести.
Они сошлись. Волна и камень,
Стихи и проза, лед и пламень
Не столь различны меж собой.
Сперва взаимной разнотой
Они друг другу были скучны;
Потом понравились; потом
Съезжались каждый день верхом
И скоро стали неразлучны.
Так люди (первый каюсь я)
От *делать нечего* друзья.

XIV

Но дружбы нет и той меж нами.
Все предрассудки истребя,
Мы почитаем всех нулями,
А единицами – себя.
Мы все глядим в Наполеоны;
Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно;
Нам чувство дико и смешно.
Сноснее многих был Евгений;
Хоть он людей, конечно, знал
И вообще их презирал, —
Но (правил нет без исключений)
Иных он очень отличал
И вчуже чувство уважал.

XV

Он слушал Ленского с улыбкой.
Поэта пылкий разговор,
И ум, еще в сужденьях зыбкий,
И вечно вдохновенный взор, —
Онегину всё было ново;

Он охладительное слово
В устах старался удержать
И думал: глупо мне мешать
Его минутному блаженству;
И без меня пора придет;
Пускай покамест он живет
Да верит мира совершенству;
Простим горячке юных лет
И юный жар и юный бред.

XVI

Меж ими всё рождало споры
И к размышлению влекло:
Племен минувших договоры,
Плоды наук, добро и зло,
И предрассудки вековые,
И гроба тайны роковые,
Судьба и жизнь в свою чреду,
Всё подвергалось их суду.
Поэт в жару своих суждений
Читал, забывшись, между тем
Отрывки северных поэм,
И снисходительный Евгений,
Хоть их не много понимал,
Прилежно юноше внимал.

XVII

Но чаще занимали страсти
Умы пустынных моих.
Ушед от их мятежной власти,
Онегин говорил об них
С невольным вздохом сожаленья.
Блажен, кто ведал их волненья
И наконец от них отстал;
Блаженней тот, кто их не знал,
Кто охлаждал любовь – разлукой,
Вражду – злословием; порой
Зевал с друзьями и с женой,
Ревнивой не тревожась мукой,
И дедов верный капитал
Коварной двойке не вверял.

XVIII

Когда прибегнем мы под знамя
Благоразумной тишины,
Когда страстей угаснет пламя
И нам становятся смешны
Их своеволие иль порывы
И запоздалые отзывы, —
Смиранные не без труда,
Мы любим слушать иногда
Страстей чужих язык мятежный,
И нам он сердце шевелит.
Так точно старый инвалид
Охотно клонит слух прилежный
Рассказам юных усачей,
Забывтый в хижине своей.

XIX

Зато и пламенная младость
Не может ничего скрывать.
Вражду, любовь, печаль и радость
Она готова разболтать.
В любви считаясь инвалидом,
Онегин слушал с важным видом,
Как, сердца исповедь любя,
Поэт высказывал себя;
Свою доверчивую совесть
Он простодушно обнажал.
Евгений без труда узнал
Его любви младую повесть,
Обильный чувствами рассказ,
Давно не новыми для нас.

XX

Ах, он любил, как в наши лета
Уже не любят; как одна
Безумная душа поэта
Еще любить осуждена:
Всегда, везде одно мечтанье,
Одно привычное желанье,

Одна привычная печаль.
Ни охлаждающая даль,
Ни долгие лета разлуки,
Ни музам данные часы,
Ни чужеземные красы,
Ни шум веселий, ни науки
Души не изменили в нем,
Согретой девственным огнем.

XXI

Чуть отрок, Ольгою плененный,
Сердечных мук еще не знав,
Он был свидетель умиленный
Ее младенческих забав;
В тени хранительной дубравы
Он разделял ее забавы,
И детям прочили венцы
Друзья-соседи, их отцы.
В глуши, под сению смиренной,
Невинной прелести полна,
В глазах родителей, она
Цвела, как ландыш потаенный,
Не знаемый в траве глухой
Ни мотыльками, ни пчелой.

XXII

Она поэту подарила
Младых восторгов первый сон,
И мысль об ней одушевила
Его цевницы первый стон.
Простите, игры золотые!
Он рощи полюбил густые,
Уединенье, тишину,
И ночь, и звезды, и луну,
Луну, небесную лампаду,
Которой посвящали мы
Прогулки средь вечерней тьмы,
И слезы, тайных мук отраду...
Но нынче видим только в ней
Замену тусклых фонарей.

XXIII

Всегда скромна, всегда послушна,
Всегда как утро весела,
Как жизнь поэта простодушна,
Как поцелуй любви мила,
Глаза как небо голубые;
Улыбка, локоны льняные,
Движенья, голос, легкий стан,
Всё в Ольге...но любой роман
Возьмите и найдете верно
Ее портрет: он очень мил,
Я прежде сам его любил,
Но надоел он мне безмерно.
Позвольте мне, читатель мой,
Заняться старшею сестрой.

XXIV

Ее сестра звалась Татьяна...⁶⁶
Впервые именем таким
Страницы нежные романа
Мы своевольно освятим.
И что ж? оно приятно, звучно;
Но с ним, я знаю, неразлучно
Воспоминанье старины
Иль девичьей! Мы все должны
Признаться: вкусу очень мало
У нас и в наших именах
(Не говорим уж о стихах);
Нам просвещенье не пристало,
И нам досталось от него
Жеманство, – больше ничего.

XXV

Итак, она звалась Татьяной.
Ни красотой сестры своей,
Ни свежестью ее румяной

⁶⁶ Сладкозвучнейшие греческие имена, каковы, например: Агафон, Филат, Федора, Фекла и проч., употребляются у нас только между простоллюдинами.

Не привлекла б она очей.
Дика, печальна, молчалива,
Как лань лесная боязлива,
Она в семье своей родной
Казалась девочкой чужой.
Она ласкаться не умела
К отцу, ни к матери своей;
Дитя сама, в толпе детей
Играть и прыгать не хотела
И часто целый день одна
Сидела молча у окна.

XXVI

Задумчивость, ее подруга
От самых колыбельных дней,
Теченье сельского досуга
Мечтами украшала ей.
Ее изнеженные пальцы
Не знали игл; склонясь на пяльцы,
Узором шелковым она
Не оживляла полотна.
Охоты властвовать примета,
С послушной куклою дитя
Приготавливается шутя
К приличию, закону света,
И важно повторяет ей
Уроки маменьки своей.

XXVII

Но куклы даже в эти годы
Татьяна в руки не брала;
Про вести города, про моды
Беседы с нею не вела.
И были детские проказы
Ей чужды: страшные рассказы
Зимою в темноте ночей
Пленяли больше сердце ей.
Когда же няня собирала
Для Ольги на широкий луг
Всех маленьких ее подруг,
Она в горелки не играла,
Ей скучен был и звонкий смех,
И шум их ветреных утех.

XXVIII

Она любила на балконе
Предупреждать зари восход,
Когда на бледном небосклоне
Звезд исчезает хоровод,
И тихо край земли светлеет,
И, вестник утра, ветер веет,
И всходит постепенно день.
Зимой, когда ночная тень
Полмиром доле обладает,
И доле в праздной тишине,
При отуманенной луне,
Восток ленивый почивает,
В привычный час пробуждена
Вставала при свечах она.

XXIX

Ей рано нравились романы;
Они ей заменяли всё;
Она влюблялася в обманы
И Ричардсона и Руссо.
Отец ее был добрый малый,
В прошедшем веке запоздалый;
Но в книгах не видал вреда;
Он, не читая никогда,
Их почитал пустой игрушкой
И не заботился о том,
Какой у дочки тайный том
Дремал до утра под подушкой.
Жена ж его была сама
От Ричардсона без ума.

XXX

Она любила Ричардсона
Не потому, чтобы прочла,
Не потому, чтоб Грандисона

Она Ловласу предпочла⁶⁷;
Но в старину княжна Алина,
Ее московская кузина,
Твердила часто ей об них.
В то время был еще жених
Ее супруг, но поневоле;
Она вздыхала о другом,
Который сердцем и умом
Ей нравился гораздо боле:
Сей Грандисон был славный франт,
Игрок и гвардии сержант.

XXXI

Как он, она была одета
Всегда по моде и к лицу;
Но, не спросясь ее совета,
Девицу повезли к венцу.
И, чтоб ее рассеять горе,
Разумный муж уехал вскоре
В свою деревню, где она,
Бог знает кем окружена,
Рвалась и плакала сначала,
С супругом чуть не развелась;
Потом хозяйством занялась,
Привыкла и довольна стала.
Привычка свыше нам дана:
Замена счастью она⁶⁸.

XXXII

Привычка усладила горе,
Не отразимое ничем;
Открытие большое вскоре
Ее утешило совсем:
Она меж делом и досугом
Открыла тайну, как супругом
Самодержавно управлять,
И всё тогда пошло на статью.
Она езжала по работам,
Солила на зиму грибы,

⁶⁷ Грандисон и Ловлас, герои двух славных романов.

⁶⁸ Si j'avais la folie de croire encore au bonheur, je le chercherais dans l'habitude* (Шатобриан). * Если бы я имел безрассудство еще верить в счастье, я бы искал его в привычке (франц.).

Вела расходы, брила лбы,
Ходила в баню по субботам,
Служанок била осердясь —
Всё это мужа не спросясь.

XXXIII

Бывало, писывала кровью
Она в альбомы нежных дев,
Звала Полиною Прасковью
И говорила нараспев,
Корсет носила очень узкий,
И русский *H* как *N* французский
Произносить умела в нос;
Но скоро всё перевелось:
Корсет, альбом, княжну Алину,
Стишков чувствительных тетрадь
Она забыла; стала звать
Акулькой прежнюю Селину
И обновила наконец
На вате шлафор и чепец.

XXXIV

Но муж любил ее сердечно,
В ее затеи не входил,
Во всем ей веровал беспечно,
А сам в халате ел и пил;
Покойно жизнь его катилась;
Под вечер иногда сходилась
Соседей добрая семья,
Нецеремонные друзья,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.